

*Игрушечник
Пётр Африкантов*

Сказки о Саратове

и саратовской глиняной игрушке

Саратов 2015

1

П.П. Африкантов

Сказки о Саратове
и
саратовской глиняной игрушке

«СКАЗКА О ГЛИНЯНОМ
ПЕТУШКЕ»

(сказки, поэмы, былины)

Книга первая

Саратов

2015

Африкантов П.П.

СКАЗКИ О САРАТОВЕ и Саратовской глиняной
игрушке. Книга 1.

«Сказка о глиняном петушке» (сказки, поэмы,
былины). 263 стр. г. 2015 .

Этой книгой открывается серия книг под общим названием «Сказки о Саратове и саратовской глиняной игрушке». В серию из семи книг вошли: сказки, былины, очерки, поэмы, повести, рассказы и сказы, пьесы для детей, частушки, роман и пошаговые технологии изготовления свистковых устройств из глины. Большинство этих произведений посвящены такому феномену, как народная глиняная игрушка.

В первую книгу серии включены только стихотворные произведения. Одно из них «Сказка о глиняном петушке» является пробой пера автора. Читая сказку, обязательно догадаешься, что, писал её игрушечник. Пётр Петрович действительно – мастер игрушечник, возродивший местную народную глиняную игрушку. Особое место в сборнике занимает произведение «Былина о князе – строителе Григории Засекине, стрелецком голове боярине Фёдоре Турове и славном городе Саратове». В ней отражено время возникновения города, выписаны исторические деятели того времени, благодаря кому и был построен город-крепость Саратов.

Заслуживает внимание и поэма «Сказание об Увек», в которой говорится о золотоордынском городе «Увек», раскопки которого ведутся на территории города Саратова.

Предназначена для широкого круга читателей.

Работа над серией продолжается.

Книга издана в авторской редакции. Уточнена и дополнена.

Компьютерная вёрстка, обложка и макетирование П.П. Африкантова.

Издана при участии – ООО завод «Римкер».

© П.П. Африкантов, 2015

***Былина о князе – строителе Григории
Засекине, стрелецком голове боярине
Фёдоре Турове и славном городе Саратове***

А, было это давным-давно,
А, было это на Волге-реке.
А было это ниже города Казани,
Ниже города Казани,
Да выше города Астрахани,
Где рыскал только дикий зверь,
И не было дорог езженных,
И не было дорог хоженных.
Так по вольным просторам по-волжским,
Да по над кручами правого берега
Летала большая птица Гамаюн.
Птица вещая восьмикрылая,

С лицом белым человеческим,
А ногами чешуйчатыми звериными.

Где птица летит,
Там смерч свистит,
А где на древо сядет,
То древо сохнет.
И предвещала птица
Покриками зычными,
Что городам здесь быть,
На часах стоять,
Русскую землю хранить,
От врагов оберегать.
А кто встанет на пути,
Так тому не жить,
По царёвой земле
Костей, мяса не носить.
Москвы грозный царь,
Земли волжской государь.
А, другому не бывать,
О другом ей не сказать.

Долго ли птица летала,
Человеческим голосом кричала?
Много ли древ посушила?
Много ли вихрями трав наклонила?
Слышали то рыбаки замоскворецкие,
Что на реке рыбачили,
В волнах стерлядь ловили,
Да московским монастырям поставляли.
Слышали то пастухи прикаспийские,
Люди кочевые, гости однодневные.
Слышали то ушкуйники сорвиголовы,
Грабежом речным промышлявшие.

Все, кто тем часом те места проезжал,
Кто на вёсла налегал,
Кто коня плёткой хлестал.

Не напрасен был птичий глас,
Потому, что в этот самый час.
Царь всея Руси Фёдор Иоаннович,
Сын великого Грозного царя,
В палаты каменные, входил.
На нём шапка была парчовая,
Шапка парчовая, жемчугом украшенная,
Сапоги сафьяновые,
Мехом отороченные.
Он в палаты входил,
Перед боярами речь держал:
– Ой, бояре вы древнеродные,
Люди славные, именитые,
Умом разумом не забытые.
Пораскиньте умом, поразмыслите,
Мой отец, славный Грозный царь,
Государству землицы прибавил,
Да нас не вовремя сиротами оставил.
От Казани до Астрахани земли необъятные,
Как их будем охранять,
От врагов оберегать?
Он обвёл очами думу боярскую,
Он ждал ответа прямодушного.

Тут встал боярин Годунов Борис,
Он одет в золочёный ферязь,
В золочёный ферязь со петлицами.
А в петлицах пуговицы серебряные,
Пуговицы серебряные,

Золотой нитью обвитые.
А на голове его мурmolка ярко-вишнёвая,
А на руке его перстень яхонтовый.
Боярин в пояс царю поклонился,
К царю и боярам обратился.
– Разреши государь слово молвить.
Слово новое, а дума старая.
Дума старая, дума выношенная.
Говорит царь в ответ таковы слова:
– Говори, боярин, коль поднялся,
Говори, коли с думой не расстался.
– Гой, ты наш царь, ты наш батюшка,
Гой, бояре вы именитые,
Именитые и родовитые.
Разрешите мне слово сказать,
Слово сказать, перед вами речь держать.
Воевали мы Казань, воевали и Астрахань.
Побили рати супротивные.
Земли захватили обильные –
Много рек, озёр и лесистых гор.
А нет в тех местах ни колышка,
А нет в тех местах ни брёвнышка,
Что жильём бы звалось человеческим,
Говорило б что, о московском царе,
Говорило б что, о его земле.
Надо ставити грады-крепости,
Со стрельцами и боярами,
Да с купцами и товарами.
Чтобы слышен был колокольный звон,
Православный звон переливчатый.

– О добром деле глаголешь, –
Говорит царь Фёдор Иоаннович. –

Доброе дело советуешь,
О великости земли нашей думаешь.

Закивали бояре в знак согласия.
Закивали, да посохами задвигали,
Посохами задвигали,
Бородами длинными зашевелили.
По сторонам стали поглядывать,
Да среди бояр человека высматривать,
Кто бы мог это дело государево сделать,
Кто бы мог царскую волю исполнить?

– Из бояр, вельмож к сему делу гож, –
Смиренно молвил Годунов Борис. –
Назову я вам имя знатное,
Имя знатное, имя доброе.
Он Григорием называется,
А Засекиным прозывается.
Рода княжьего, рода древнего.
И на русской земле не последнего.
А в помощники
Дать боярина
Слугу верного государева,
Стрелецкого голову Фёдора Турова.
Со стрельцами пойдёт князь дело делати,
Работный люд от врагов оберегати,
Ну, а ворогу, так отпор давать.
Лучше дела того никто не сделает.
Лучше дела того никто не исполнит.
Пусть едут на Волгу-реку,
Пусть послужат государю своему. –

И бояре с тем согласились,

Царю в пояс все поклонилися.
– Так и быть тому, – молвил Фёдор царь
А по батюшке Иоаннович:
– Повелеваю князю строить крепости.
В городах чтоб жил православный люд,
Таково моё слово веское,
Слово веское, слово царское. –
Посох в руку взял Фёдор Иоаннович,
Посох весь камнями украшенный.
Каменя заморские переливчатые.
И стукнул он тем посохом
Да в дубовый пол,
В пол дубовый, мозаичный.

2

То не день прошёл,
И не ночь протекла
Да пониже города Казани,
Да повыше города Астрахани
Выросли города-крепости новые,
Города-крепости сосновые.
Первый город Самарой называется,
А второй - то город – Царицын есть.
И встали они на великой реке,
И стоят они на правом берегу.
На правом берегу крутёхоньком,
От врагов русскую землю охраняют,
Охраняют они её зорче зоркого,
Незванных гостей мечом пленяют,
И вяжут верёвками лыковыми,
Верёвками лыковыми,
В воде вымоченными.

Ведут в город их на дознание.
А кто меч обнажил, тех побивают,
Друзей же царя хлебом-солью встречают.

Бояре на Москве ликуют,
В собольи шубы рядятся,
Бояре на Москве вина медовые пьют,
Царя Фёдора Иоанновича хвалят,
Да друг с другом челомкаются,
За новые города ковши поднимают.
Только один боярин не ест, ни пьёт,
Буйну голову он рукой подпёр,
А другой рукой он свой посох сжал.
Посох ореховый не украшенный.
Да встаёт он на резвы ноги,
Да подходит он к царю батюшке,
В ноги ему кланяется.
В ноги кланяется,
Просит речь держать,
Царю слово сказать.
Тут воззрился на него Фёдор Иоаннович,
Впросительно бородой повёл,
Да любезно на боярина посмотрел.
Ведь был то ни кто иной,
Как князь Григорий – строитель,
Что города возвёл,
Земли русские огородил.
Говорит он царю почтительно,
Но, а речь его промыслительна.
– Государь ты наш батюшка,
Сын великого Грозного царя.
Построили мы два града-крепости.
На той реке, Волге - матушке,

По твоему приказу великому.
Построили один ниже города Казани,
А другой – выше города Астрахани.
Чтобы земли охранять,
Царство русское оберегать.
Посадили в них стрельцов-воинов,
Чтоб мимо городов враг не проскакивал,
Лихой басурман не проезживал,
Русскую землю не воевал.
А стрельцы все – люди бравые,
При себе имеют пики острые,
Наконечники у пик воронёные.
А за меня Фёдор Туров там.
Мы с боярином Туровым совещались,
Мы с боярином умом раскидывали.
Хорошая с городов ограда получилася,
И на тысячу вёрст застава протянулася,
Только мало городов построили.
Между городом Самарой,
Да между городом Царицыным
Четыре дня пути шага бойкого,
Шага бойкого молодецкого.
Надо крепость между ними ставить,
Чтоб было между городами
Только два дня пути.
Тогда меж городов волк не прорыщет,
Тогда меж городов
Чужая дружина не проскачет,
Ибо дозоры её заметят
И путь-дорогу на Русь закроют.

Тут царь Фёдор удивился,
Тут царь Фёдор умом возмутился.

– Не должно врагам на Русь ходить!
Не должно врагам русских людей полонить!
Повелел он князю Засекину
Между Самарой и Царицыным место искать,
Место искать, город-крепость ставить.
Крепость сильную, крепость срубчатую,
Чтобы мимо города лисица не прокралася,
А басурман пройти не отважился.

3

Вот Засекин князь в дорогу собирается,
На добра коня князь садится.
А конь кованый да на медный гвоздь,
У коня его грудь широкая,
А стать у коня высокая.
На груди его бляха медная,
Бляха медная с изумрудами.
А подпруга кистями украшена,
А в поводья вделаны камня лучистые.
А седло его с подседельником,
Подседельник лежит на потничке,
А потничек на подпотничке.
И берёт князь повод кожаный.
Повод кожаный, шёлком про́шитый
Едет он на Волгу-реку,
А едет Григорий город-крепость ставить.
А едет он царскую волю исполнять.
Город-крепость та Саратовом назовётся,
А идёт на Руси 1590-й год,
Днём и часом год слагается,
Месяцами год открывается.

А Засекину дорог каждый час.
Надо город в верховьях реки срубить,
По венцам его разобрать,
А на каждом брёвнышке,
Чтобы знак стоял
В плоты брёвна те связать надо,
Да по воде те плоты спустить надо.
Торопится Засекин князь,
Ждёт его на Волге боярин Туров.
Вот Григорий на коня сел,
На коня сел на буланого,
Вдел ногу в стремя серебряное,
В стремя серебряное узорчатое,
Взял в руки повод тиснённый,
Повод тиснённый, шёлком прошитый.
Оглядывает он конников отъезжающих,
Осматривает он толпу провожающих.
Он осматривает всех и тревожится:
Есть здесь спальники и печальники,
Скоморохи и начальники,
Только не вышла провожать любимая жена,
Не вдела в стремя сапога ялового,
Не воткнула в шапку лазорев цветок.
Не увидев, жены князь нахмурился,
Князь нахмурился и с коня сошёл.
Он с коня сошёл, на крыльцо взошёл.
Зычным голосом жену зовёт:
– Где ты, моя жёнушка милая?
Где моя милая жена свет - Дарьюшка?
Отчего на крик не отзываешься,
Отчего из палат не выходишь?
Вошёл князь в палаты дубовые,
Откинул занавески шелковые,

А жена его на полу лежит,
На полу лежит без сознания.
Прибежали слуги боярские,
Опрыснули Дарьюшку холодной водой.
Дарьюшка глазки открыла,
Что случилось с ней мужу поведала.
– Ты, мой муж, не сердись, не кручинься.
Я тебя провожати хотела,
Я хотела одеть стремя серебряное,
Да на твой сапог, сапог яловый.
Только силы меня покинули,
А ноженьки мои подкосились.
И упала я на сосновый пол,
И сковал меня поминутный сон.
Мне привиделась в нём река вольная.
У реки у той правый берег крут,
А по той реке омуты идут.
На крутом берегу стены высятся,
Стены древние, стены каменны
Большой частью поразрушены,
Буд-то было там наводнение,
Или город сжёг пламень бешеный,
С сотрясением стен перемешанный.
А за стенами абрек прячется,
Он в развалинах к камню ладится.
Достаёт абрек лук тесёмчатый,
Лук тесёмчатый, колчан кожаный.
А в том колчане лишь одна стрела,
Лишь одна стрела закалённая.
Лишь одна стрела именованная.
Здесь мне мысль на сердце легла:
«А не хочет ли абрек моего мужа убить,
Злое дело на берегу совершить?»

Затрепетала я как осины лист,
Руки белые заломились,
Ноги быстрые подкосились
И на пол я упала без памяти,
В этом чудном сне предсказательном,
Ты нашёл меня муж заботливый.
Для меня ты муж, а царю слуга.
Ты возьми меня, муж, родимый мой,
На берега реки, берега дикие.
Я не буду для тебя в походе сумою,
А я буду тебе свет - Григорий слугою.

Не хотел Григорий Дарьюшку брать,
Чтоб на Волге-реке место искать,
Где городу быть?
Куда плоты сплавлять?
Где из тех плотов стены собирать.
Собирать стены высокие,
Терема за стенами ставить узорчатые.
А, во-первых ставить церковь русскую,
Церковь русскую, православную,
Чтобы слышен был колокольный звон,
Колокольный звон, звон молитвенный.
Только стало ему жаль жены своей.
Изовьётся она, изкручинится,
Будет день и ночь думу думати,
И в уме держать град разрушенный,
Что привиделся в её тонком сне,
А ещё абрека злонамеренного,
Со стрелой своей закалённою.
И велел он Дарьюшке собираться,
В путь-дорогу к реке снаряжаться.

Как по Волге-реке плоты плывут,
 Плывут плоты перемеченные,
 Плывут плоты перевязанные.
 То стрельцы-молодцы
 Новый град везут.
 Новый град везут,
 И на нём плывут.
 А от Самары
 Да по берегу реки
 Идёт Засекин князь со - товарищи,
 А на встречу ему от Царицына,
 От Царицына, да по берегу реки
 Боярин Туров идёт со - товарищи.
 Где сойдутся они,
 Там и граду быть.
 Там и граду быть, и плотам пристать.
 А стрельцам на плотях
 Есть условный знак,
 Где костры горят, туда правити,
 На крутом берегу крепость ставить.

Уж два дня в пути князь со - товарищи,
 А с ними княгиня свет - Дарьюшка.
 Идут они по берегу реки.
 Идут они от града Царицына.

Идёт Туров от града Самары.
 А идёт он уже два дня да по берегу.
 Видит Туров река - то сужается,
 Левый берег её приближается.
 Здесь - то Туров с Засекиным встретился.

Видят стрельцы на крутом берегу
Мёртвый град стоит и росой блестит.
Стены древние, стены ветхие,
Заросли травой и терновником.
Пообрушились крыши старые,
Крыши старые, черепичные.
Нет окон, дверей, в граде нет людей,
А по улочкам кирпича лишь бой,
А ночной порой слышен волчий вой.
Подошли стрельцы воеводские.
И дивятся все граду древнему.
Этого града они не видывали,
О нём они не слыхивали.

Тут Засекин князь произносит слова,
Произносит слова, слова верные:
– Граду здесь стоять и дозор держать,
Граду новому, граду светлому.
Два же дня пути здесь кончаются,
Древним городом означаются.
Разберутся здесь стены старые,
Стены старые, стены ветхие
И построятся стены новые,
Стены новые, да смолистые...

Лишь Засекин князь слово вымолвил,
Рядом с ним земля всколыхнулася,
А трава к земле вдруг пригнулася.
А от круч речных мрак надвинулся,
Поползли с земли гады в стороны,
Закричали с холмов птицы-вороны.
По обрывам - то камни ссыпались,
В волны волжские опрокинулись,

Птицы с криками полетели прочь
А пред ним из земли вырастает коч.
Сколько князь по земле не хаживал,
И чего он только не видывал,
А такого ему и на ум не приходило,
А такого и знать нельзя.
Этот коч перед ним разверстается
Из земли голова появляется.
На главе той глаза закрыты,
А усы, борода кореньями увиты.

Захрапели кони боярские,
Испугались слуги царские.
Захрапели кони, вздыбились.
Кони вздыбились и попятились.
Только Туров с князем остались,
Только двое не испугались.
Говорит голова таковы слова:
– Вы хотите город строить,
Город строить, стены ставить.
Только на кладбище город не строят,
На костях стены не ставят.

Обращается Туров к той главе:
– Что за дивности видим в сем краю?
Что за град стоял на крутом берегу?
Что являешься в неурочный час,
Говоришь слова ты свои о нас?
Кто таков и зачем нам являешься,
Ты из недр земли являешься?!

Голова в ответ рот разинула,
Голова в ответ брови сдвинула

И сказала голова таковы слова:
– Кто, зачем и как? Не скажу я вам,
А совет такой я посланцам дам:
«От решения своего отступити,
Рядом с градом сим место ищите.
Не зовите беду на свою главу,
А иначе падёт она на траву.
На былин-траву у Укекских стен,
У Укекских стен поразрушенных,
И ветрами как кости иссушенных.
Золотой Орды то пристанище,
Золотой Орды то покойлище».

Возмутился князь духом воинским,
Посмотрел на главу взором огненным:
– Что ты мелешь здесь, кость вонючая,
Челюстями своими скрипучими?!
Не меня ли ты князя пугаешь?!
Ты Засекина, кость, плохо знаешь.
Что ты можешь, трухлявое темя!!?
Голова: – Пререкаться с тобой нету время.
Не слушаешь – каяться будешь,
Впопыхах ты здесь, княжиче, судишь.
Дело вовсе не в нас, головах...–
И под землю ушла на глазах.

– Что же делать?– спросил князя Туров
– Нам глава не указ. – Получил в ответ. –
Нам не нужен её совет.
Дарья к князю тут подступила,
Она князя преклонённо просила.
– Ой, Засекин князь, князь московский,
А внемли ты земному знамению,

А внемли ты о нас промыслению.
Ты не строй град на Укеке.
Разве нет мест иных на берегу.
Разве нет мест иных на берегу реки.
От укекских стен ты уйди, отступи.
Но не хочет князь отступить,
Жены мольбам не хочет внимати.
В этот миг в воздухе стрела запела,
В этот миг стрела засвистела.
Увидала Дарья стрелу летящую,
Увидала Дарья стрелу разящую,
Белой грудью князя закрыла,
Белым телом его защитила.
И попала стрела ей под леву грудь
Ей под леву грудь в тело белое.
И упала она тут же замертво.
А стрелок чужой на лихом коне,
Убегает прочь в степь широкую.
А стрелка того в той степи не догнать,
А стрелка того в той степи не сыскать.
И тут вспомнил Григорий,
Да жены слова,
Намочила глаза у него слеза.
Приказал он Дарью схоронити,
А от древних стен отступить.
Отступили от стен слуги царские,
Слуги царские да на десять вёрст.
И нашли они место доброе.
Разожгли костры там дымливые,
Чтоб пристали плоты к берегу правому
К берегу правому на дымы костров.
Только вдруг туман с гор надвинулся,
На стрельцов и костры опрокинулся.

И не видно стрельцов
Да и их костров.
И сколько плыть плотам незнамо,
И куда пристать неведомо.
Лоцман на воду глядит,
Лоцман шапку тербит,
Лоцман бороду почёсывает,
Лоцман в кулак покашливает.
Сколько плыть - лоцман не ведаёт,
В каком месте пристать - не знает.
Только видит он – впереди плотов,
Описать того не найдётся слов,
Волны в стороны откатились,
Плавники над водой появились,
Всплыли рыбы из вод, рыбы царские
Рыбы царские, драгоценные.
У рыб усики бахромчатые,
У рыб хвосты серповидные,
Костяные щитки серебром горят,
Носы узкие от воды блестят.
Одна рыба посредине плывёт,
Посредине плывёт, другим знать даёт.
Воду волжскую носом режет.
Хвостом стрелчатый волны тербит.
Две другие по бокам плывут.
По бокам плывут, от неё не отстают.
Острова и мели рыбы обходят,
К месту невидимому правят,
Путь - дорогу стрельцам показывают,
Царский указ исполнить помогают.
Сколько-то времени плыли?
Сколько-то времени на воду глядели?
Только повернули царские рыбы направо

И уткнулись плоты в прибрежный камыш.
В прибрежный камыш, да в камешек-голыш,
Ну, а волжские рыбы, рыбы царские,
Хвостами стрельчатými взмахнули,
Воду Волжскую всплеснули
И ушли в глубины речные
В глубины речные незнаемые.
А с берега плоты увидали,
Плоты к берегу привязали,
Стали брёвна из воды вытаскивати,
Стали плотники из них город собирать,
Стали стены ставить и церковь рубить,
Стали церковь рубить с колоколенкой,
Чтоб был слышен звон далеко окрест.
А на церкви той установили крест.
Православный крест с перекладиной,
С перекладиной да откосинкой.
А за месяц град да построили,
И за сорок дней обустроили.
Обнесли град стеною высокою,
Построили башни с бойницами
И назвали ту крепость Саратовом.
По той реке по Саратовке,
Что берег Волги промывает,
Да в волжские воды впадает.
Рыбаки про ту реку сказали,
А ушкуйники подсказали.
Князь с боярином согласился,
Звучным именем умилился.
Имя громкое, имя славное,
Граду-крепости подходящее.

А в Саратове гусли играют,

А в Саратове коробейники ходят
На плечах коробки с товарами носят.
Продают бусы византийские,
Да ковры продают персидские
А пряностями потчуют хорезмийскими,
А песни поют русские
Песни русские да гусярные.

А по - над кручами правобережными,
Между градом-крепостью Саратовом
Да между городом-крепостью Самарой,
Между городом-крепостью Царицыным,
Да между городом-крепостью Саратовом
Летала вещая птица Гамаюн.
Птица вещая восьмикрылая,
С лицом белым человеческим,
А ногами чашуйчатыми звериными.
Птица летала,
Человеческим голосом кричала:
– Здесь градам стоять,
Землю русскую охранять!
Здесь градам стоять,
В них железо ковать!
Здесь градам стоять,
Со всем светом торговать!
А как время пройдёт,
Да водой утечёт –
Не быть заставам на Волге-реке,
Не мочить стрельцу в ней своё копьё.
Уйдут заставы за Угорский камень,
За Угорский камень, где солнце встаёт.
Где солнце встаёт, земле свет даёт.
И расширится земля русская.

И дойдёт она до окиян-моря.
А я буду по берегу окиян-моря летать,
А я буду в окиян-море ноги мочить,
И на скалах приморских сидеть,
И на волны глядя вещать.
Буду вещать и Дарьюшку вспоминать,
Душу светлую, душу честную,
Да со смертию обручённую.
А Саратову – на берегу стоять,
В волны буйные на реке глядеть.
И не быть уже градом-крепостью,
А быть ему вольным городом.

А Саратов град по сей день стоит,
А Увек его многи тайны хранит.

2012 год

Сказка о глиняном петушке

Расскажу я вам, ребята,
Про старинный град Саратов,
Про седую старину,
Про историю одну,
Что близ города случилась.
К счастью, худшее забылось;
Я об этом не тужу,
А что помню, расскажу.
Раз забыл – так значит надо;
Злое помнить – не отрада;
Хватит с нас того, что есть;

Доброму, в сем сказе, честь;
Доброе – ласкает душу,
А, что было, ты послушай.
Я, конечно, не поэт,
(В общем, это не секрет),
Чтобы сказку написать –
Стал я Пушкина читать;
И, конечно, Горбунка –
Знаменитого Конька.
Слог, манеру изучил
И на деле применил;
Даже что-то перенял –
В эту сказочку вписал;
Ты за это не суди,
А что писано – прочти.

1

Славный город на реке;
Чудный город вдалеке;
Купола церковей в лазури;
Волны в берег бьют как в море;
Волга – русская река
Расплеснулась, широка;
Рыба под волнами ходит;
Невод под неё заводят;
Острова среди реки;
Уху варят рыбаки;
Волга далью серебрится;
Чайка над водой кружится,

Поднимаясь к облакам
И спускаясь к волнам.
Струги¹ на стрежне, как в сказке;
В них гребцы, на лбах повязки,
А на месте у руля,
Сам купец – Гвоздец Илья.

Речники – народ бывалый;
Им бы дворик постоянный;
Что за город? – Чудеса!;
Блики им слепят глаза;
Раньше, вроде был пустырь,
А теперь вон – монастырь;
Да по берегу лабазы²;
Знать купеческий – амбары,
Сходни, грузчики, причал;
«Эй! Лови конец! – вскричал
Лоцман, стоя у кормы, –
Да накидывай, вяжи;
Сходни тотчас подавай;
Торопись, не спи, давай!
Отвечайте нам по чести,
Что за город в этом месте?» –
«Вы к Саратову пришли!» –
Отвечают волгари.

Прируливши струг к причалу,

---

¹ *Струги* – русское плоскодонное парусно-гребное судно XI—XVIII веков, служившее для перевозки людей и грузов.

² *Лабаз* – складское помещение

Идут в город поначалу,
На базар, в толпу людей,
Чтоб увидеть знахарей³;
Что расскажут им о граде,
О традициях, обряде,
Кто вельможа, кто купец,
А кто просто удалец?
Впереди Гвоздец идёт,
Что и как – всё дознаёт.

Вдруг, откуда не возьмись, –
Перед ним слепец явись.
Поводырь⁴ – в лохмотьях, малый,
Семилетка, исхудалый,
Поклонился Гвоздецу,
Тянет за руку, к отцу.
Подойти к слепцу он просит,
Тот сказать чего-то хочет.
Подошёл Илья: «Что надо?
Что за странная отрада –
Пеший люд вокруг ловить
И им голову мутить!?»
А слепец, отставив палку,
Говорит, стянувши шапку:
«Не серчай, купец, напрасно;
Над тобой, пока всё ясно...» –
«Что такое? Говори,

---

³ *Знахарь* – (в контексте) знающий город и его жителей человек (*прим. автора*).

⁴ *Поводырь* – человек, сопровождающий слепого.

И словами не сори!» –
Рассердился тут Илья.
«А вот сердисься ты зря, –
Говорит ему слепец, –
Ты Илья, зовут Гвоздец⁵.
Берегись, поделка эта,
Может сжить тебя со света;
Дева красная за ней,
А за девой – лиходей.
Всё сказал тебе, ступай,
Где и как, что?.. примечай».
«Вот чудака, – Илья подумал, –
Эвон же чего придумал;
Деву красную приплёл;
Лиходея⁶ где нашёл?
Как зовут, глядишь ты, знает,
Хотя первый раз встречает;
Что за странная поделка?
Видно, сущая безделка...
ТЬфу, ты!.. Вот народец дрянный;
Так и лезет окаянный,
Чтобы воду замутить
И меня, купца, смутить».

Лихачи⁷ – народец бравый:
«Вас куда – трактир, управа?»

---

⁵ *Гвоздец* – прозвище торговца скобяным товаром (*прим. автора*).

⁶ *Лиходей* – безжалостный, враг, злодей.

⁷ *Лихач* – легковой извозчик со щегольской закладкою, отважный и расторопный.

Говорите, вмиг домчу,
Лихачам всё по плечу».
Кони – звери, кони – птицы;
Коренник⁸ косит глаза,
Бьёт копытом – чудеса.

К тройке наш купец идёт
И такую речь ведёт:
«Вижу – ты ямщик бывалый;
Мне бы дворик постоялый;
Да хозяйку пошустрей,
Поопрятней, помилей.
Не обижу – слово гостя;
Как зовут тебя - то?» – «Костя».
«Ну, так вот что, Константин,
Мне подарок бы один
В этом городе купить,
Чтоб царице подарить,
А другой – тот для себя,
Чтобы помнилась земля.
Чем гордится этот край?
Если знаешь – отвечай.
Может ткачеством богаты?
Иль вязаньем тороваты?
Может шлеи⁹, может дуги
Ваши ценятся в округе?
Или донца¹⁰ нарасхват?

---

⁸ *Коренник* – лошадь, впрягаемая в оглобли, средняя лошадь в тройке.

⁹ *Шлея* – широкий ремень, часть упряжи, которая удерживает хомут.

Знаешь лучше меня брат».

Константин ему в ответ:
«Вот тебе, купец, совет –
Нет, не дуги и не донца,
И не кружева в оконцах
Застят всем приезжим свет,
Не диковинный браслет;
Хотя есть и то и сё,
Но, однако, то – не всё.
Есть в округе мастерицы,
С ними можно ли сравниться?
Сам увидишь и поймёшь;
Дело – глаз не отведёшь.
Есть близ города селенье,
Там в народе увлеченье –
Глины добычу ведут,
И её с водою мнут.
А в селенье том девицы –
В глинном деле мастерицы;
Пальцы дев тонки, ловки;
В подмастерьях – мужики.
Мужики им глину возят,
И водой её разводят;
Долго мнут её потом,
Бьют её ещё дубьём,
Водой после обрызнут,

---

¹⁰ *Донце* – доска для укрепления гребня и для сидения при работе у самопрялки.

И в дерюгу завернут,
А потом ещё, как знать,
Спустят в яму отдыхать.
После долгого лежання,
Несут глину на свиданье;
Мастерицам показать,
О готовности узнать.
Ну, а эти мастерицы,
С глиной чтобы породниться,
В руки белую берут,
Щупают, катают, мнут,
Улыбаются счастливо –
Глинка вышла просто диво,
Под навес они идут
И на стол её кладут.
Ну, а стол – смущенье ока,
По столу тому с далёка,
Скачет тройка во весь мах,
Вот она уж в небесах;
Оттолкнулась от стола,
Прямо к облаку взмыла? .
Тройка по небу бежит,
Коренник глаза косит,
Топчет звёзды копытом,
И роняет их притом;
Звёзды наземь опадают,
Но совсем не пропадают;
У изделий на главáх,
Размещаются во лбах;
Что ни звёздочка – то ямка;

В ямке – вычурная рамка;
Луч в ту ямку упадёт–
Чудным светом изойдёт;
Брызнет яхонтом в глаза;
Следом тут же бирюза;
Сотни искр взлетают ввысь,
И она горит, кажись.
Дальше мост стоит дугой.
По мосту тому каймой,
Из снежинок ли свитой,
Идёт оттиск золотой:
Точки, звёздочки, глазочки,
Тругольнички, кружочки
Снизаны в единый ряд
И цветным огнем горят.
На мосту олешки браво,
Друг пред другом величаво,
Глазки в небо устремив,
Копыточки в мостик вбив,
Хвастают небес дарами –
Разветвлёнными рогами.
За мостом утята важно
Щиплют травку и отважно,
Чтоб сразить наверняка
В бой идут на червяка.
А за ними бык-гора,
Из главы торчат рога.
Каждый рог, как дуб большой,
С тёмной кольцами корой.
На спине горб огромный,

Как курган в пустыне томной;
Дверь в горбу стоит резная,
Три ступеньки. И прямая
К ним дорога по хребту,
По хребту и по хвосту.
Лоб огромный, безразмерный,
Бык знать силы непомерной,
На столе стоит в дозоре,
Искры мечутся во взоре,
Бык ни день, ни ночь не спит,
Мир игрушечный хранит.
Изукрашен всем на диво.
В нём земли родимой сила.
С силой той не совладать
И игрушек не сломать.
Если враг к игрушкам рвётся,
У быка глава нагнётся,
Рёв раздастся из груди
Тут к нему не подходи,
Пламя вырвется с ноздрей,
Пыль взовьётся, а за ней,
Он копытом землю взроет,
Волк в лесу от страха взвоят,
В чашу дикий вепрь уйдёт,
Филин крыльями забьёт
И заушает. Однако,
Бык-гигант не знает страха,
Хвост опустит он к земле
И игрушки на столе
По хвосту к горбу взбегут,

Только видели их тут.
В горб войдут и дверь закроют,
Пусть в чащобе волки воют,
Пусть глазастый сыч кричит,
Им никто не повредит.
Лишь последний в дверь войдёт –
Бык хвост тут же уберёт,
Чтобы враг как не искался,
А к игрушкам не добрался.
Дальше бой ведёт отважно,
И замечу, это важно
Бык лежачего не бьёт,
А рогами лишь встряхнёт,
Так что хрустнут позвонки,
А затем уж, враг, беги.
И бежит злодей тогда
Сам не ведая куда,
Страхом собственным гоним,
Ну, а тень его за ним.
А опасность лишь минует
Бык на землю хвост опустит,
Видел сам, про то не вру,
Дверь откроется в горбу
И глиняшки, кто бегом,
Кто с прискоком, кувырком
По хвосту на стол сбегут
И свои места займут:
Кто на лавке, кто на полке,
Кто в кармане, кто в кошёлке,
Средь горшков и на окне...

Остаётся на спине
Лишь мартышка с кличкой «Сям»,
Строя рожицы друзьям.
Ну, а дальше – сам с усам;
Будешь там, увидишь сам».

«Как увидеть это диво?–
Гвоздец молвил торопливо,–
Правь туда, я заплачу,
Купцу это по плечу».
Ну, а кучер рад удаче:
«Эй! Пошли с дороги, клячи!
Едет сам Илья Гвоздец,
Первой гильдии¹¹ купец!».
Кони сильные, с напором,
Рвут гужи¹² и тянут в гору,
Обходя тяжёлый воз,
Бабушкин¹³ минуя взвоз.
Говорит купцу лихач:
«С вас за скорость – спотыкач¹⁴.
Чтоб не делать крюк двойной –
Мы заглянем на Сенной;
Там бывает диво это,
Чтоб не колесить по свету».

---

¹¹ *Гильдия* – в старину купеческая корпорация, в которой купцы делились на три разряда.

¹² *Гужи* – кожаная или верёвочная петля у хомута.

¹³ *Бабушкин взвоз* – улица, крутой спуск к Волге в Саратове (*прим. автора*).

¹⁴ *Спотыкач* – настоящая на ягодах и плодах водка.

Наш купец в ответ: «Давай!
Куда надо заезжай.
Ты найди, чего ищу –
С лихвой¹⁵ даже угощу».

2

Городу купец дивится;
Тройка по Московской мчится;
Вот свернула на Сенной,
В городе базар такой.
На Сенном в толпе смятенье –
Сам купец в рядах – везенье;
Купит всё, что приглядит;
С кошелька деньгой сорит.

Много, долго ли ходили –
А что надо не купили.
Нет товара – вот дела,
Раскупили... «Не беда, –
Говорит ямщик купцу, –
Восемь вёрст, что молодцу!
Отвезу вас в то село,
Раз с прилавка всё смело;
Купим сразу с пылу, с жару,
Чтоб не шляться по базару».

Тройка по полю летит,

---

¹⁵ С *лихвой* – дать больше чем спрашивается (прим автора).

Коренник глаза косит;
Пыль взлетает за пролёткой¹⁶;
Кони резвые в охотку
Отмахали восемь вёрст,
Будто ими правил чёрт;
Чёрт, не чёрт, а наш ямщик
Ездить тихо не привык.
Осадил коней у хаты –
Нет, ни бедной, ни богатой:
В улицу на два окна;
Выше окон три бревна;
Стрехи¹⁷ рушником¹⁸ свисают,
Будто в дом сей приглашают,
За окном в смятенье лица:–
«Кому надо так явиться?
Добрый молодец иль тать¹⁹?
Сквозь стекло не разобрать».

Перед домиком забор;
За забором пёс Трезор;
Лает на купца, ярится;
«Так, лохматый, не годится,–
Говорит ему купец,–
А что лаешь – молодец.
Эй!.. Хозяин!.. Где ты?!» – «Тутá».
Мужичонка ниоткуда

---

¹⁶ *Пролётка* – повозка на четырёх колёсах

¹⁷ *Стреха* – нижний свисающий край крыши.

¹⁸ *Рушник* – полотенце у восточных славян.

¹⁹ *Тать* – вор, грабитель.

Появился у ворот –
Шапка задом - наперёд,
Борода торчит кустами,
Под густыми, под бровями
Глазки добрые блестят,
Рядом уши топорщат.
Ямщика он узнаёт,
А тот знаки подаёт: –
«Человек приехал важный,
А не любопытец бражный²⁰».
Мужичок в ответ кивает
И ворота открывает;
Сам, конечно, дознаёт
И вопросы задаёт:
«Кто?...откуда?... говори...
Вот, блоха тебя дери...
Знатный гость, а ты тут с лаем...
Эй! Вы ... бабы! Гость ... Встречаем!...».
Бабы с дома, ох, да ах;
С полотенцем на руках;
Хлеб да соль несут учтиво,
А Костюха, горделиво,
Подпоясавшись кнутом,
В дом идёт за Гвоздецом;
Так особо, важно, чинно,
Если б видел кто – завидно.

---

²⁰ *Любопытец бражный* – любящий выпить и весело провести время человек (прим. автора).

Вот Илья в избу заходит,
Взглядом комнату обводит,
Поясной поклон кладёт,
И такую речь ведёт:
«Долго плыл я по реке;
С Астрахани на стругё;
По дороге торговали,
Покупали, продавали,
Что под слово, что в заклад;
Волжский люд торговле рад.
Долго ль, коротко ходили,
Да к Саратову приплыли;
Здесь увидел я – раздолье,
Хлебопашество, приволье;
Нивы тучные вздымают,
И колосья наливают;
Кони топчут ковыли;
Сети тянут рыбари.
Вижу – город между гор,
Как расписанный шатёр.
Себя ждать я не заставил –
Струги к берегу направил,
Чтобы город повидать,
Расспросить и разузнать,
Чем и как народ живёт?
Что он ест и что он пьёт?
В чём искусен, что за дело,
Что он делает умело?
Мне б хотелось это знать,
В иных землях рассказать.

Для купца новинка – честь;
Мог бы здесь я приобрѣсть –
То, что делаете сами;
Люди говорят – словами
Тех вещей, не описать,
И сравнений не сыскать.
Слухами земля полнится –
Есть в селенье мастерицы,
С глины чудеса творят,
Кого хочешь удивят».

«Правду молвил ты купец,
А по прозвищу Гвоздец, –
Говорит хозяин дома. –
Та поделка – не солома;
Есть такое на селе,
Что положено в земле
И земля сия рождает –
То, что взоры привлекает.
Всяк находит в том своё:
Кто-то умное бытѣ,
Кто-то на душу повязку,
Кто игрушку, а кто сказку;
Глядя кто – печаль забудет;
Поглядевши кто, рассудит,
Жизнь ли правильно ведѣт?
И к чему стремится? ... вот.
Старцы видят в том загадку...
А, об этом по порядку.
То загадка, на весь век –

С глины слеплен человек²¹
Не из камня источен,
Хотя камень очень прочен;
Не из вод, не из огня,
Вот какая се земля.
Мы же, следуя закону,
В деле нет у нас препону²²,
Сотворяем из земли
Божью правду, вот ... смотри».
Дверь хозяин открывает –
Илью в горницу впускает.

Как ступил Гвоздец за дверь –
(Тут хоть верь мне, хоть не верь)
Изменился он в лице;
Видна оторопь в купце;
Широко глаза раскрылись;
Губы складкой удивились;
Любопытство на глазах...
Слышал он о чудесах,
Но, ни разу не видал,
Пока в дом сей не попал.
То не горница, а диво;
Купец смотрит молчаливо;
Знаком кучера зовёт;
Константин к нему идёт,
И с улыбкой до ушей,

---

²¹ В Библии говорится, что первый человек был сотворён Богом из глины
(*прим. автора*).

²² *Препоны* – препятствия, помехи, преграды.

Хоть завязочки пришей.

Ну, а в горнице, повсюду,
На Илью взирает чудо –
Полки в белых кружевах,
А на полках, просто «Ах!».
Сколько радостных игрушек,
Ребятишек и зверушек:
Кто-то по воду идёт,
Кто овцу домой несёт,
Кто на санках, кто в лукошке,
Кто-то дремлет на порожке;
С кошкой пёс играют вместе;
Бык, баран, всё честь по чести...
Купец взор свой опускает,
И на стол большой взирает.
Ну, а стол – смущенье ока,
По столу тому с далёка,
Скачет тройка во весь мах,
Вот она уж в небесах,
Оттолкнулась от стола,
Прямо к облаку взмыла.
И заметить он не мог,
Как раскрылся потолок,
Кони в воздух поднялись,
В небо прямо понеслись.
Тройка по небу бежит,
Коренник глаза косит,
Топчет звёзды копытом,
И роняет их притом;

Звёзды наземь опадают,
Но, совсем не пропадают;
У изделий на главáх,
Размещаются во лбах.
Что ни звёздочка – то ямка;
В ямке – вычурная рамка;
Луч в ту ямку упадёт –
Ямка светом изойдёт;
Брызнет яхонтом в глаза,
Следом тут же бирюза;
Сотни искр взлетают ввысь,
Что она горит, кажись.
Дальше мост стоит дугой.
По мосту тому каймой,
Из снежинок ли свитой,
Идёт оттиск золотой:
Точки, звёздочки, глазочки,
Треугольнички, кружочки
Снизаны в единый ряд
И цветным огнем горят.
На мосту олешки браво,
Друг пред другом величаво,
Глазки в небо устремив,
Копыточки в мостик вбив,
Хвастают небес дарами –
Разветвлёнными рогами.
За мостом утята важно
Щиплют травку и отважно,
Чтоб сразить наверняка
В бой идут на червяка.

А за ними бык-гора,
Из главы торчат рога.
Каждый рог, как дуб большой,
С тёмной кольцами корой.
На спине горб огромный,
Как курган в пустыне томной;
Дверь в горбу стоит резная,
Три ступеньки. И прямая
К ним дорога по хребту,
По хребту и по хвосту.
Лоб огромный, безразмерный,
Бык знать силы непомерной,
На столе стоит в дозоре,
Искры мечутся во взоре,
Бык ни день, ни ночь не спит,
Мир игрушечный хранит.
Изукрашен всем на диво.
В нём земли родимой сила.
С силой той не совладать
И игрушек не сломать.

Вот увидел бык Илью,
Нагнул голову свою,
Бык подумал, что он враг,
(Бык был вовсе не простак).
Заревел, аж дом затрясся,
Слышать было то ужасно,
Пламя вылетело с ноздрей,
Пыль завилась, а за ней
Землю бросил копытом,

По бокам стегнул хвостом,
Опустил тот хвост к земле
И игрушки на столе
По хвосту к горбу бегут,
Только видели их тут.
В горб вошли и дверь закрыли,
Совсем даже не шумели,
Не толкались на хвосте,
На хвосте и на спине.
Бык рога ещё нагнул,
Головой большой тряхнул,
Приготовившись к сраженью...
«Это что за наважденье?!» –
Наш Илья оторопел,
Да хозяин тут поспел.
Говорит Илье он тут:
«Наш охранник очень крут.
Ты, бычок, иди на место.
Гость у нас, и ты не к месту,
Бой готовишься принять,
Надо пыл - то поунять» –
Понял бык – угрозы нет,
На слова сии в ответ
От Ильи он отступил,
Хвост на землю опустил,
Дверь в горбу его открылась,
На крылечке появились
Баран – «Бе», овечка – «Ме»,
Гусь играет на трубе,
Следом прыгает крольчиха,

«Ну, ни дать, ни взять купчиха»,
С палкой длиною бобёр,
За бобром идёт козёл,
А козлята - стригунки
Из горба вперегонки,
На крылечко выбегают,
И балясины бодают,
По хребту бегут с прискоком,
И как будто ненароком
Скок на землю со хребта...
С ними просто маята.
Высоко, разбиться можно,
Прыгнунам же всё возможно.
И глиняшки, кто бегом,
Кто с прискоком, кувырком
По хвосту на стол сбегают,
Места чинно занимают:
Кто на лавке, кто на полке
Кто в кармане, кто в кошёлке,
Средь горшков и на окне...
И осталась на спине
Лишь мартышка с кличкой «Сям»,
Строя рожицы друзьям.

Илья смотрит на игрушки –
Ребятишки и зверушки –
Все имеют свой наряд;
От наряда чин и склад.
А наряд – не то, брат, слово,
Под луною нет такого;

Разве на звезде какой?
Только там не под рукой.
Здесь же, прямо на столе,
Ни в какой-то вышине,
Рук творения стоят
И тебе в глаза глядят.

Наш купец столу дивится:
«Может быть всё это мнится?»
И молитву сотворя,
Щиплет за ухо себя.

Здесь бы можно точку ставить,
Только, как купца оставить,
Не поведавши о том,
Что случилось с ним потом?

3.

Мужичка купец зовёт
И о девах дознаёт:
«Эй! Хозяин! Где ты?» – «Тута...»
Мужичонка ниоткуда
Пред Ильёю предстаёт,
И такую речь ведёт:
«Как? Понравилось? Что надо?
От чего душе услада?
Вы желаете купить,
Обменять иль одолжить?
Наш товар всегда лицом –

Дело только за купцом».
«Хорошо, – сказал Илья, –
Я ж хочу просить тебя –
Показать мне ту девицу,
Сих игрушек мастерицу,
Что поделки созидает²³,
Глаза ночью не смыкает...
Я о ней скажу царю,
И богато одарю».

«Можно, – молвил мужичок, –
Эй, Глафира!» – Каблучок,
Слышно, стукнул в половицу
И прекрасная девица,
Занавеску отстранив,
С глазок лучик испустив,
Появилась пред Ильёй –
Что, мол, надо? Кто такой,
Что мешаешь мне лепить
И на заработок жить?

Как увидел наш Илья
Деву красну близ себя,
Сразу обо всём забыл,
Чуть язык не проглотил.
Где он только не бывал,
И моря переплывал,

---

²³ *Созидает* – создаёт, творит, соделывает с кем либо; здесь созидает с Богом (прим автора).

Но, такой красы-девицы
Не видáл он и в столице.
То не дева – чудеса:
С головы её коса,
До самой земли спадает,
Мило шейку обвивает,
В волосах прямой пробор,
В глазах девичий задор,
На девице сарафан,
Что очерчивает стан.
Нет на ней серебра и злата,
Нет парчи из стран заката²⁴,
Нет каменьев и колец –
Не богат её отец;
Что же за душу берёт?
Тут Илья осознаёт:
«Всё в девице просто, мило,
Оттого так и красиво».

Костя смотрит на купца,
Видит – сильно молодца,
Краса девичья задела,
«Эвон смотрит очумело»,
Чтоб не создавать препон –
Ямщик задом вышел вон.

Вот пришёл в себя купец

---

²⁴ Страны, расположенные от России на западе, где заходит солнце (*прим. автора*).

И промолвил наконец:
«Как тебя зовут, милаша?»
И в ответ услышал – «Глаша». –
«Ты ли делаешь поделки?
Ведь игрушки - ни тарелки,
Не посуда скудельная²⁵,
А, затейливо – живая». –
«Я», – Глафира отвечает. –
Да смотрю – купец всё знает,
Если может так судить
И о глине говорить.
Знаешь ли, что глина дышит?
Говорят, о чём – то слышит?
Разумеет про себя,
Кто берёт её любя;
Жадным, в деле – не даётся,
То коробится, то мнётся;
Ей завистливый не люб
И не люб – кто с нею груб».
Тут Глафира улыбнулась,
Отступила и нагнулась,
Глины кус с ведра достала,
И не сильно в пальцах сжала;
С него вытянула ножки,
Хвостик, крылышки, серёжки –
Получился петушок –
Гребешочек на бочёк;
Потом палочку взяла,

---

²⁵ Скудѣльная – сделанная из глины.

Бок проткнула, отняла,
Рядышком ещё кольнула,
Бок другой ещё проткнула,
К губкам алым поднесла,
Дунула – и вот дела-а-а!..
Петушок запел игриво,
Засвистел. Купцу же диво:
«Как? Откуда звук такой,
Не залез в него лихой?»
Глаша дульце²⁶ отвела,
Тонкой бровью повела,
Пальцы разом отомкнула,
Воздуха в себя вдохнула,
Выдох сделала в свисток
И залился петушок...
Как он пел, и трепетал?!
Свист за свистом испускал!
То вдруг мелко, с перебором,
То залиvisto, с задором,
То вдруг раз – и замолчит;
Пауза ... и вдруг, навзрыд,
Грянет так, аж сердце жмёт,
Песня за душу берёт,
От себя не отпускает...
Тут Глафира открывает
Пальцем дырочку в боку...
То и надо петушку –
Выше на октаву взял

---

²⁶ *Дульце* – часть свистка, куда вдувают воздух (*прим. автора*).

И сильней затрепетал,
Только вырваться не мог,
Чтоб взлететь под потолок
И оттуда просвистеть,
Что в руках не в силах спеть.
Но не долго так свистел,
Вот притих..., опять запел;
Звуки тонкие взялись,
От свистка оторвались
И поплыли чередой
Из деревни в мир иной.
В мир иной, за океаны,
Где зимой цветут тюльпаны;
Облака где так легки;
Горизонты широки.
Осмотревши те края,
(Вместе с ними был и я).
Полетав, домой вернулись;
Быстро, этак, обернулись,
И милее стала сень
Родных русских деревень.

Петушку купец дивится:
«Просто прелесть эта птица,
Как же в глине сей простой,
Уместился звук такой?»
Ну, а Глашенька в ответ:
«Вот тебе, купец, совет –
Ты из глины петушка,
Забери с собой пока,

Положи его в кафтан²⁷,
Да подáлее... в карман.
Будет спор – петух рассудит,
Коль обидишь чем – забудет,
А беда – подаст те знак;
Петя этот – не простак».

Петушка Илья берёт,
И в карман себе кладёт –
Пусть в кармане полежит,
Мол из глины – не сбежит.
Ну, а Глаша – всем взяла:
Темноброва и бела;
В разговоре же учтива,
И умна, сказать на диво,
И смиренна и скромна,
Ремеслом одарена.
Именитого нет рода?..
Не беда, она с народа,
А народ всему, брат, род,
Так на то он и народ.

Наш Илья не промах был,
Как увидел – так решил:
«Не сойти ему тут с места,
Вот она – его невеста;
Путь в деревню не с руки,
Но, добьётся он руки»;

---

²⁷ Кафтан – старинная длиннополая верхняя мужская одежда.

Ямщику про то открыл
И в деревню зачастил.

Долго ездил наш Гвоздец.
В ту деревню... наконец –
Расступилось сердце Глаши;
Не было Ильи там краше –
Молод, крепок и удал;
«Всем, – народ толкует, – взял:
И умён, и не хвастлив,
И совсем не горделив,
Не скупец и не простец...»
Сказке ж этой не конец;
Не случилось свадьбе быть,
Пришлось малость, погодить.
Я историй не сужу,
То, что было – доскажу.

4.

Дело в том, что две Глафиры
На селе в то время жили;
Обе роста одного...
Много схожего чего,
Внешне люди примечали,
Но другую они звали,
Глашкой за прескверный нрав
И народ был в этом прав.
Глашка та – была вдовица,
Первосортная хитрица,

Была, скажем, не стара,
И по-своему умна,
Только жизнь вела иную,
Говорят, что разбитную²⁸ –
Любовалася собой,
Занималась ворожкой,
Брагу в домике варила,
И мужей чужих поила,
По соседству и жила –
Вот какие тут дела.
Она день свой начинала,
Тем, что утром натирала
Лицо сеяной мукой,
Отдавал чтоб белизной;
Брови угольком чернила;
Слой румянца наводила,
Красной сочною свеклой,
Язык держа за щекой;
Рукавицей прут брала
Из печного из жерла,
Косы на него крутила,
Травкой локон золотила,
А, железо над лицом
Завивало прядь кольцом;
После в самовар глядела;
Перед медью песни пела,
Оставаяся вполне
Довольна́ сама себе,

---

²⁸ *Разбитной* – развязный, бойкий.

Но такая красота
Была, скажем, не свята.

У неё была сестрица,
То же, как она – хитрица,
Все её Парашкой звали,
Старой девою считали,
Та себе умна была,
Красотою ж не взяла
И забыла уж давно,
Что такое сватовство;
Женихи к ней не ходили,
Каблуком порог не били.
У невесты был порок,
(Так уж видно судил Бог)
«эр» – она не говорила,
И ещё глазком косила.

И решила эта Глашка,
(Ей поддакнула Парашка) –
Мастерицу извести,
А купчишку увести;
На себе женить купца,
Удалого молодца.
Только здесь не выйдет прямо,
Без уловки и обмана
Ей купцом не завладеть,
К левой ручке не присесть.
Долго думала вдовица:
«Как тут к делу подступиться?»»

И решила, что крепки
В деле злые языки.

Про Илью пошли вдруг толки:
«Струги, мол, забыл на Волге,
Что торговлю не ведёт,
И запойно тайно пьёт.
Говорят, что есть свидетель –
Из краёв тех, благодетель;
Он де, сам знавал купца
И супругу и отца».
Больше всех вдова старалась,
Из всей мочи напрягалась
Небылицы разносить,
Чтоб соперницу смутить,
Чтоб заставить сомневаться
И слезами умываться. –
«Дескать, лоцман говорил,
Что Гвоздец жену забил;
Что залётный де купец –
Нерасплаканный²⁹ вдовец,
И совсем, увы, не тот
За кого он выдаёт
Здесь себя перед людьми,
От столицы - то вдали;
Струги – вовсе не прижива³⁰,
А разбойная нажива;

---

²⁹ *Нерасплаканный* – неплакавший умершею жену, не жалеющий о ней (прим. автора).

³⁰ *Прижива* – приращённая часть богатства (прим. автора).

В бочках не его вино,
Чьё вино – ушли на дно;
Это Глашино везенье,
Выльется в одно – в терпенье;
Что в далёкой стороне –
Будет жить как в бороне».
Злых досужих языков
Мало ль было среди дворов.

Приуныла было Глаша
(Не вдова, а та, что наша)
Слухи до неё дошли
И вцепились как репы;
Душу девушке терзают,
И никак не отпускают,
Шепчут ей: «Купца бросай,
Других лучше примечай.
Привечай не из далёка,
А любовь – она жестока,
Ведь столица далеко,
Знать де, правду, нелегко;
Как проверить, как узнать?
Ни спросить, ни наказать;
И тебе он не по чину –
По себе найдёт дивчину;
Вот тогда слезу польёшь;
Нападёт с расстройства вошь;
Прибежишь в одних онúчах³¹,

---

³¹ *Онучи* – портянки, обматывающие ногу до колена.

Или бросишься там с кручи;
Всё равно – конец один;
В этом нет, мол, середин.
Посмотри, с лица ты спала;
Скверно выглядишь, устало;
На щеке твоей слеза;
Опечалены глаза;
Ночкой тёмною не спишь,
Одеялом всё шуршишь;
Сложишь пять ночей в одну –
И получишь седину;
Глину в руки не берёшь,
Ни ласкаешь и не мнёшь;
И не делаешь игрушки;
На баранах завитушки;
Грив не лепишь у коней;
И свистулек, что звончёр
Не бывает на селе,
А, проснувшись на заре,
Не шевелишься, лежишь;
В потолочину глядишь.
Трезор тоже приуныл;
С вечера всё выл и выл;
Дали есть – не ест, скулит;
На окно твоё глядит».

Но, другой ей вторит глас:
«Это, Глаша, не про вас.
Шепчет змей те на ушко,
То про это, то про то.

Ты в сердечко загляни,
Встречу с милым вспомяни,
Помолись на сон грядущий
И откроет тебе Сущий³².

Так и сделала Глафира –
Ставни с вечера закрыла,
Помолилась у икон,
Да и впала в чудный сон.

Видится во сне Глафире,
Что она в прекрасном мире;
Нет, совсем не на земле,
В горней, сказочной стране,
Где ручей звеняще чист,
Воздух нежен и лучист,
Лес, луга, сады цветут,
Птицы малые поют;
Они в воздухе парят...
Чуден с виду их наряд:
Бусы, венчики, серёжки;
По перу пушинок брошки;
Хвост украшен серебром;
В крыльях белый окаём;
Глазки брызгают лучами...
Нет, не описать словами,
Их разительный наряд...
Птицы Глаше говорят:

---

³² *Сущий* – Бог.

Своё горе – позабудь
То не горе – крестный путь.
Претерпи и будет ладн,
И душе твоей отрадно.
Это, Глаша, наговор,
Чтобы в сердце был раздор.
Ты вокруг всё осмотри
И душою отдохни.
Видишь изумрудный дом? –
Здесь живут игрушки в нём.
Садик рядом небольшой,
С зеленеющей травой.
Как придёт гулять пора,
В нём играет детвора:
Деревянная, резная,
Из мочала, костяная,
Шерстяная, из половы,
Из материи, соломы,
Веток, перьев, мха, щепы,
Шишек, клубней и травы,
С желудей, из глины тож,
Здесь такой стоит галдѣж».

Видит Глаша дом и сад,
В саду спелый виноград,
На лужайке карусель;
Звуки нежные свирель
Слух ласкаючи выводит;
Месяц в сад к игрушкам сходит,
Водит с ними хоровод;

Весел глиняный народ.
Птички шепчут: «Этот край –
Всех игрушек Божий рай.
Что расколоты, разбиты,
Или кем – то позабыты,
Идут к нам на небеса,
И происходят чудеса –
Снова здесь они целы,
Лица, мордочки светлы,
Нет у них отбитых ушек,
И отломанных у хрюшек
Пятачков и вновь чисты
Их копытца и хвосты.
Кто с Земли сюда приходит –
Здесь друзей себе находит,
С ними кружит хоровод...
Тут никто не пропадет.
Не отломятся их ушки,
Хвостик махонький у хрюшки
Будет цел и невредим
И не будет беды с ним;
Если ж казус и случится –
Что сломалось – обновится».

За игрушки Глаша рада,
Вот она – души услада!
Глазки Глаша подняла,
И увидела она –

Совсем рядом Млечный путь³³,
Но, не страшно ей ничуть.
Звёзды вот – достать рукой,
Вид их здесь совсем иной;
Перед ней они висят,
И друг с дружкой говорят,
На небесном языке
И, понятна ей во сне
Речь таинственных подруг...
Только слышит Глаша – вдруг
Поступь глиняных коней;
Звёздный путь лежит пред ней.
Этот путь – смущенье ока;
По нему - то из далёка
С глины троечка бежит,
Коренник вперёд глядит,
Везёт троечка возок...
Тут у Глаши сердце – «ёк».
В том возке Илья сидит,
Хмурит брови и молчит,
Будто что-то потерял,
Не нашёл, хотя искал.
Вдруг Илюша видит Глашу,
Не чужую! – Нашу!! Нашу!!
Повод тянет у коней,
По звёздам сбегает к ней...
И Глафира тут проснулась,

---

³³ *Млечный путь* – звёздная система, на ночном небе видна в виде светящейся полосы.

Сладко этак, потянулась,
Хочется ещё уснуть,
Чтоб увидеть Млечный путь,
В небе скачущих коней,
И Илюшу перед ней,
Домик, птичек и траву,
Меж звездами синеву...
Сон, увы, не приходил,
И глаз Глаши не смежил.

Встала Глаша – весела;
Снова личиком бела;
Вот идёт она во двор,
А там радостный Трезор;
Она пёсика ласкает,
А Трезор ответно лает.
Рад – хозяйюшка жива,
Сил по-прежнему полна.
Глаша под навес идёт,
Глину белую берёт,
Снова делает игрушки;
У баранов завитушки,
Лепит гривы у коней,
Да свистульки, что звончей
Не бывает на селе...
А, проснувшись на заре,
С тройки дело начинается,
Гривы мелко завивает;
Тройка по столу бежит,
Коренник глаза косит,

Устремляясь ко звездám...
Я там был и видел сам.

Тут в окно вдова глядит –
Видит Глашу и ворчит:
«Ты смотри ... бела, румяна,
Будто не было обмана,
Знать, не взяли языки
Всем расчётам вопреки;
Снова делает игрушки,
У баранов завитушки,
Гривы лепит у коней,
И свистульки, что звончей
Не бывает на селе.
Просыпаясь на заре,
С тройки быстрой начинает;
Всю звездáми украшает...
Ничего – моё возьмёт;
Твоя радость отойдёт;
И глядишь, купец приедет,
К моему крыльцу подъедет;
Тебе станется одно –
Лишь глядеть, как я, в окно;
Да болванчиков³⁴ лепить;
По ночам в подушку выть.
Надо только для везенья,
Наварить густого зелья

---

³⁴ *Болванчиков* – заготовки для игрушек, изделия без внутреннего содержания (прим. автора).

И купчишку угостить,
А там, знаю, как мне быть.
Вслух, конечно, не скажу,
Но его приворожу³⁵ –
Капну зелья в свежий квас
И в жару подам тотчас;
Выпьет тот Илья квасок –
И ни шагу на порог
К ней тогда уже не ступит,
А вдовица приголубит,
Молодца и удальца,
В этом деле простеца».

5.

Долго ль времечко летело,
Когда надо – подоспело.
Вот июнь, жара и пыль,
Высох по буграм ковыль,
Наш купец в село спешит,
Бубенец в дуге звенит.
А на выезде из града,
Видит, вот она отрада –
Квас старушка продаёт;
Совсем дёшево берёт.
Купец к бабке подъезжает,
Кружку кваса выпивает.

---

³⁵ *Приворожить* – заколдовать. При помощи магических действий лишить воли, памяти; заставить видеть, в данном случае, хорошее в плохом (*прим. автора*).

Квас ядрёный, просто прелесть;
С ним вошла в Илюшу нечисть;
Тут он Глашеньку забыл,
А старушки – след простыл.

С той поры Илью взяло.
Приезжая на село,
Он к вдовице заезжает;
Мастерицу ж, как не знает;
Даже встретив, обойдёт;
Взгляд в сторонку отведёт;
Хмурится, совсем не весел,
Даже голову повесил.
Мастерица ж, в свой черёд,
Уж не лепит, не поёт,
И не делает игрушки,
На баранах завитушки,
Грив не лепит у коней,
И свистульки, что звончей
Не бывает на селе...
Просыпаясь на заре,
Глину в рученьки берёт,
Нехотя и долго мнёт,
Но лепить не начинает,
Будто делать, что не знает;
Глины ком в руках помнёт,
Да в тряпицу завернёт,
Посидит чуть за столом,
И отложит на потом.
Трезор тоже приуныл,

С вечера опять всё выл;
Дали есть – не ест, скулит,
На окно её глядит.
А в деревне пошли толки;
Толки эти – не иголки;
Ниткой их не обовьёшь
И за шапку не заткнёшь.
Где-то домысел, где сказки;
К этим домыслам привязки;
Кто купца винит, кто Глашу;
Кто не нашу, а кто нашу.
А Макариха видáла –
Чёрна кошка³⁶ пробежала
Перед тройкой лошадей,
Даже вздыбила коней.
Кони дальше не идут,
Константин им кажет кнут,
А холёные ни с места...
Уж, какая тут невеста?!
Если пара удалая,
Коренник и пристяжная³⁷,
Изорвав подпруги все,
Ускакали налегке,
А ямщик - то – сам не свой,
Воз повёз на пристяжной.
Глаша к Косте: «Что и как?»

---

³⁶ Чёрная кошка в народе ассоциируется с нечистой силой (*прим. автора*).

³⁷ *Пристяжные* – лошади, располагающиеся в тройке по бокам коренника.

Знаю – всё не просто так».
Правду тот скрывать не стал
И про бабушку рассказал.
И добавил: «Сам заметил,
С той поры Илья не весел;
К вам летит подобно птице,
А подъедем, так к вдовице.
Между нами тут тяжба,
А причиной – ворожба;
Кони тоже не идут;
Люди, я скажу, не врут
И не раз в часы ночные,
Выпрягались пристяжные».

Тут Глафира приуныла,
В дом зашла и дверь закрыла,
Там ложилась на кровать,
Чтобы ночку скоротать.

Ну а в доме у соседки –
У Глашутки, у наветки³⁸
Множество свечей горит;
Илья в горнице сидит;
Перед ним вдова хлопочет;
Подаёт, что он захочет;
Тут и рюмочка винца
Для купца и молодца.
Ну а Глашка, вот мерзавка,

---

³⁸ *Наветка* – наговорщица, клеветница.

Будто прудная³⁹ пиявка,
Около Ильи кружит,
Сладки речи говорит.
Со спины к нему зайдёт,
Шею ручкой обовьёт,
Ухо губками щекочет,
И себя в невесты прочит.
Вторит ей сестра – Парашка,
Будто рыжая дворняжка
(Тяф, тяф, тяф и под забор,
Что бы не был перебор).
Выйдет в сенцы, а потом,
Назад входит с огурцом;
Прибауточки картавит;
Пред купцом на блюде ставит
И капусту, и грибы,
Будто нет здесь ворожбы.
Говорит: «Купцу по чести»,
И мигает всё «невесте»,
И кивает на окно,
Подливаючи вино,
Дескать, был купчишка ваш,
А теперь, глядите, – наш.
Только, правда, говорится –
«То, желающему мнится»
И хотение его,
Может выйти в ничего.
Тут читатель мой заметит:

---

³⁹ Пиявка, живущая в пруду.

«Бог – он шельму⁴⁰ тоже метит»
И как говорит народ: –
Выйдет всё наоборот.

А тем временем в кафтане,
Да в купеческом кармане,
Завозился петушок
И с кармана на стол сок.
Вылез, перья встрепенул,
К купцу клювик повернул;
Дескать, что глядишь, узнал?
Час, я вижу, мой настал.
Илья Петеньку берёт,
Но совсем не узнаёт.
Кочет понял: «Дело гибло –
Память зелие отшибло;
Как же тут ему помочь –
Вспомнить то, что стёрто прочь?
Говорить я не умею,
Да и вытолкают в шею,
Разве только просвищу
И что надо сообщу».
А купец видать тоскует;
Взял поделку, в дульце дует;
И как будто сквозь туман
Слышит вдруг: «Обман! Обман!
Ты, купец, не верь вдовице,
И помошнице – сестрице;

---

⁴⁰ *Шельма* – негодяй, мошенник.

Вишь, вином тебя поят,
Окрутить, купец, хотят.
Да, она, конечно, Глаша,
Но, увы, совсем не наша;
Повнимательней смотри,
Да глаза свои протри!»
Но, Илья тут рассердился:
«Что ты мелешь, вот взвинтился?!
Что? Какая ещё Глаша?!
Та, что здесь – она и наша!
Она сделала тебя;
Ты свистишь супротив зря;
Хоть слова твои важны –
Доказательства нужны».

Тут Парашка подскочила:
«Что за свист, а в свисте сила?
Изменился вон в лице,
(Дело значит в скудельце⁴¹.
Свист какой - то уж чудной,
Будто заговор какой?)
Дай - ка мне свистульку эту,
Понесу её до свету.–
Догадавшись – тут не зря,
Появленье скуделя, –
Ишь, свистит перед лицом,
Знать толкует о своём;

---

⁴¹ *Скуделец* – образовано от слова «скудельный» – сделанный из глины
(прим. автора).

Его раньше не бывало,
Мастерица, зная, прислала».

Только знали бы Парашка
И её сестрица Глашка,
Что петух не так-то прост,
Не поймать его за хвост.
Встрепенулась вдруг глиняшка,
А тут хватъ его Парашка –
Руку быстро протянула,
Пальцы в кулаке сомкнула,
Раздался победный клич,
Будто ей попалась дичь.
К ней спешит на помощь Глашка.
У лица купца Парашка
Кулак тихо раскрывает,
А петух - то не взлетает,
Не трепещет, не квохчѣт,
Будто там и не сидит.
Смотрят – вот так, на тебе –
Нос купеческий в руке.
Что тут было – не сказать,
Не сказать, не описать:
В самовар купец глядит –
На носу лапша висит;
Сестра плачет, Глашка воет;
Купец нос и трѣт и моет,
А петух в дому летает,
Но, как выпорхнуть, не знает;
Дверь закрыта на щелчок;

В окнах ставни на крючок.
«Ах, зловредная ты птица!–
На него вдова злобится, –
Я тебе тут посвищу,
Метлой быстро угощу;
Кабы мне тебя поймать,
Да разбить и растоптать...».

Сёстры петуха ловили,
Было дух не испустили.

Их мудрее была кошка;
Поднялася из лукошка;
Рыжая, глаза горят,
И на скуделя глядят.
Дескать, кура полетай;
Только, милый, так и знай,
Если я поймать берусь,
Ни за что не промахнусь.
Много ль можешь ты летать
И ни чуть не отдыхать?
Вот задуют на ночь свечи...
У тебя же нет повети,
Куда мог бы ты взлететь,
И себя в ночи сберечь.
Ну, а так, куда ни ткнёшься –
Всё о стены разобьёшься.
Знаешь ты, что я права
И что это не слова.
Потянулась, позевнула,

В клуб свернулась и «уснула».
Но не кончен этот сказ,
Зорко в щёлку смотрит глаз.

Петушок летал, летал,
Обессилел и упал.
К нему рыжая подходит:
«Что, по- моему выходит?
Ну, куриный соловей,
Кто из нас с тобой мудрей?
Говорила ж чудаку,
Так и надо дураку»;
В зубы петушка берёт
И хозяйшке несёт.
А хозяйка её Глашка
И её сестра Парашка,
Свистуна быстрее хватают,
Да и в печь его бросают,
Прямо в пламя, прямо в жар;
С петушка завился пар;
Дверцу Глашка закрывает,
Говоря: «Пусть полетает.
Ты, Рыжуха, молодец;
Отсвистелся скуделец».

Петушку в огне истома,
А сбежать, так нет приёма,
И куда бежать, и как?

В мыслях полный кавардак⁴².
Только очи его зрят –
Перья вовсе не горят;
Хвост как был, так есть дугой,
Только стал он золотой;
Гребешок же – просто чудо,
Словно горстка изумрудов,
На главе его лежит,
Белым пламенем горит.
Тут открылось поддувало;
В печке сразу жарче стало;
Ветер знойный шелестит;
В Петушка струёй бежит,
Через дульце, напрямик...
Оживился Петя вмиг
И из печки (что нельзя),
Свист весёлый раздался.
Сёстры разом встрепенулись,
Огляделись, ужаснулись,
И одна кричит другой:
«Его надо кочергой!
Разбить, с углями смешать,
А потом на них сплясать!».
Вместе к печке той бегут,
Кочергу в неё суют.
Ну, а Петя- петушок,
Жаром взятый гребешок,
Правым крылышком взмахнул,

---

⁴² *Кавардак* – путаница, беспорядок

Левым глазом подмигнул,
Да и скрылся вдруг в дыму;
Как взлетел он не пойму,
Только среди тьмы ночной,
Он поднялся над трубой.
Над деревней слышен крик:
«Ку-ка-ре??-ку! Ку-ка-ри?-к!»
Слава! Слава петушку!
Жаром взятом гребешку,
А теперь мы поглядим,
Что же будет дальше с ним?

6

Сыпят искры с петуха,
Пламя рвётся в облака,
А народ на дом глядит –
«Огненный петух летит»;
Искры веером вокруг;
Описал наш Петя круг,
Чтобы не пытаться судьбу –
Сел на Глашину трубу,
На трубе чтобы остыть,
И домов не подпалить.
Как ни долго пламя било –
Глина, всё - таки, остыла;
Жар с пера его сошёл;
Тут народ домой пошёл,
Не боясь уже пожара –
На трубе не видно жара.

Петушок же рад тому,
Мы же знаем почему?
Он спешит скорей домой,
К мастерице скудельной;
Рассказать, где был, что видел,
Что сказал и что услышал?
Как спасался он от кошки,
Как стучался там в окошки,
Как вела с ним кошка речь,
И как брошен был он в печь.

Рад я Пете-петушку,
Жаром взятом гребешку,
Но, вернёмся мы с тобой
К мастерице молодой;
Ведь она была уныла;
В дом зашла и дверь закрыла;
Там ложилась на кровать,
Чтобы ночку скоротать,
Но не спится молодой,
Даже в комнатке родной.
Сквозь дремóту шорох слышит,
Будто воздух кто колышет,
Глаз открыла, вслед другой;
Видит – Петя скудельной
По подушке рядом ходит
И с Глафиры глаз не сводит.
«Ах, ты милый петушок,
С чем пожаловал, дружок?»–

Говорит ему она,—
За окном ведь ночь темна.
Петю в рученьки берёт
И к губам его несёт,
Дует в дырочку легонько
И доносится тихонько:
«Что ты спишь? Вставать пора.
Потерял я три пера,
От мохнатой вдовьей кошки,
Что спала в своём лукошке.
Ничего, я сам удал,
И как видишь, не пропал.
Расскажу всё по порядку,
Про Глашутку и Парашку:
Рядом в доме, у соседки,
У Глашутки, у наветки
Множество свечей горит,
Илья в горнице сидит;
Перед ним вдова хлопочет,
Подаёт, что он захочет;
Рядом рюмочка винца,
Для купца и молодца.
Ну а Глашка, вот мерзавка,
Будто прудная пиявка,
Около Ильи кружит;
Сладки речи говорит.
Со спины к нему зайдёт,
Шею ручкой обовьёт,
Ухо губками щекочет
И себя в невесты прочит.

Вторит ей сестра – Парашка,
Будто рыжая дворняжка
(Тяф, тяф, тяф и под забор,
Чтобы не был перебор)
Выйдет в сенцы, а потом,
Назад входит с огурцом;
Прибауточки картавит,
Пред купцом на блюде ставит
И капусту, и грибы,
Будто нет там ворожбы.
Говорит: «Купцу по чести»,
И мигает всё невесте,
И кивает на окно,
Подливаючи вино;
Дескать, был купчишка ваш
А теперь глядите – наш.
Твой Илья там, как прикован;
Он вдовицей околдован;
Ест ли, спит ли – сам не свой;
Ходит по́дому смурной.
Вроде рад – глаза не рады;
Поёт песню – нет отрады;
То в Саратов заспешит;
Вдруг вернётся и молчит.
Рада только эта Глашка,
Да её сестра Парашка.
А он сам себе не рад...» –
«Нужен там Илье догляд, –
Говорит Глафира Пете, –
Он милей мне всех на свете;

Будет пусть её, но жив –
Вот души моей мотив». –
«Ты не правильно глаголишь, –
Говорит вдруг Петя, – волишь⁴³
Купца Глашке той отдать,
Чтоб ему, де не страдать.
Пострадаете вы оба;
Это под луной не ново;
Не согласен я с тобой;
Надо ход искать другой,
Чтоб сестёр разоблачить,
В подлом деле уличить?
Выявить их скверный нрав...» –
«Ты, конечно, Петя прав. –
Глаша говорит в ответ, –
Илье надо дать совет.
Ты к нему, дружок, слетай,
И что надо – передай.
Ты Илье скажи, чтоб Глашка,
(А, в помошницах Парашка)
Взяла глины с кулачѣк,
И слепила бы свисток.
Пусть же слепит петушка,
И докажет, что она
В этом деле мастерица,
Что с ней некому сравниться;
Чтоб был певчий петушок,
А не скудельный горшок.

---

⁴³ *Волить* – желать, хотеть.

По трудам – увидит плод;
Мысль же в сердце изойдёт;
В нём она укоренится
И решение родится.
Дело всё венчает труд –
Чары сразу опадут». –
«Это добрая идея –
Свет пролить на чародея, –
Молвил Глашеньке петух, –
Бог поможет, милый друг.
Чтобы счастье иметь –
Надо в жизни претерпеть» –

Глаша рада храбрецу,
Глаша рада удальцу.
Не игрушка – просто прелесть;
Не страшна свистульке нечисть;
Глина что – ни дать ни взять
И нельзя околдовать⁴⁴;
Можно только наступить,
Да о пол её разбить.

С той минуты петушок,
Стал летать на огонёк,
Чтобы встретить там купца,
Удалого молодца,
Дабы дать ему совет,
Как пролить на дело свет,

---

⁴⁴ *Околдовать* – тоже, что и «приворожить» (*прим. автора*).

Насчёт чар⁴⁵ предупредить,
Дело тёмное, раскрыть.

Петушок к вдове летает,
Про её затеи знает;
Сядет тихо на карниз,
Голову опустит вниз,
Пододвинется легонько,
Да и слушает тихонько,
А затем домой летит
И всё Глаше говорит.

Глаша Петеньку берёт,
К губкам аленьким несёт;
И понятно, что горюет;
Со слезою в дульце дует;
И петух в напеве тонком
Ей рассказывает долго,
Как Илья в дому живёт,
Что он ест и что он пьёт?
И что подлая вдовица,
Первосортная хитрица,
Про венчанье речь ведёт,
Платье новенькое шьёт;
И что он, как обещал,
Совет Глашин передал.
«Ну а он что? Удивился?
Иль советом умудрился?» –

---

⁴⁵ *Чары* – колдовское воздействие, наговоры.

Глаша Пете говорит.
Кочет же в ответ свистит:
«Он вдову к себе зовёт,—
Мол, сомнение берёт,—
Ты ли Глаша – молодлица,
Скудельная мастерица?
Чтоб сомнение разрешить,
Надо бы свисток слепить.
Вот тогда тебе поверю,
Обвенчаемся в неделю».
И тогда вдовица Глашка
И её сестра Парашка,
Глины свежей принесли
И водою развели;
Запустили руки в глину –
Получили грязь и тину;
Перемазались в грязи,
Утонули по груди?;
Кошка рыжая мяучит,
А сестёр со зла аж пучит;
Тут Илья в себя пришёл,
Рассмеялся и ушёл.
Так что жди Илюшу в гости,
Прикатит сегодня с Костей».

Глаша гладит петуха –
Грудку, шейку и бока
И зовёт не скудельным,
А душевным и родным.
Взвеселился петушок –

Гребешочек на бочёк;
Шейку круто изогнул,
Серьги к шейке подтянул,
В грудку воздуха набрал,
Со всей мочи засвистал.
А Гвоздец вернулся к Глаше;
Они оба теперь наши;
Стали думу думава́ть,
Как им свадьбу сыграть?
А соседка Глаши – Глашка
И её сестра Парашка,
Думу думают, как быть?
Чтоб купца не упустить.
Как им свадьбу расстроить?
Или, лучше, как подстроить,
Чтобы свадьба была,
И невестушка жила,
Но, была бы не в вуали,
А торчала бы в подвале,
Средь мышей и пауков,
Слыша звон колоколов,
А жених - то, молодой,
Под венец бы шёл с другой?
Дело сделать к молотьбе,
И вернуть купца себе.

7

Тут придумала вдовица –
В мастерицу нарядиться,

А невесту, пред венца,
Удалить от молодца,
Бело платье с неё снять,
С головы фату сорвать,
Запереть её в подвал,
Чтоб никто не увидал,
Одеть платье и фату
И пожаловать к купцу.
Потом в церкви, честь по чести,
Обвенчают их на месте,
А «невеста» до венца
Не откроет всем лица:
Под фатою спрячет глазки,
Вдовьи уберёт подвязки,
Косу изо льна сплетёт,
Яркой лентой обовьёт,
Чтоб чужая ей коса
Не бросалась всем в глаза;
Приготовит всё как надо,
Да и спрячется за садом,
Чтобы Глашеньку дожждаться,
Когда та придёт прощаться
С старым садом и одна,
Грустью радостной полна.
И невесту, нет тут спору,
Подзовет она к забору,
Сладкой речью угостит,
Лестью глазоньки застит.
И скажу вам между строк,
Что готов у ней мешок,

Чтоб девицу полонить
И из сада утащить.

У коварства нет предела.
Вот взялась вдова за дело;
Подлость та не удалась –
За другую принялась.

А Илья возвеселился,
В новый фрак принарядился
И забыл в трудах, пока,
Про кафтан и петушка;
Сам готовится к венцу,
Как положено купцу.
Петушок в кармане ж бьётся,
Аж вся вешалка трясётся,
Крепко сшит купца кафтан,
Ещё крепче сшит карман.

Тут поспела свадьба вскоре;
Поезд⁴⁶ мчится на просторе;
Вьются ленты от зари⁴⁷;
И играют дудари.
Ну, а что же наш купец,
И богач, и удалец?
Он к воро́там подъезжает,

---

⁴⁶ Речь идёт о свадебном поезде. Несколько украшенных лентами и цветами лошадиных упряжек,двигающихся друг за другом (*прим автора*).

⁴⁷ С восточной стороны (*прим. автора*).

Его Глашенька встречает;
Глазки – точно небеса;
Длиннорусая коса
По её груди сбегает
И колени обвивает;
На головке же фата –
Неземная красота!
К Глаше наш Илья идёт;
Коренник копытом бьёт,
А лихие пристяжные,
Пегой масти, заводные,
Ждать нисколько не хотят,
Повод просят и храпят.
Ямщики же удалыцы
Тройку держат под уздцы.

Тут Илью невеста просит
И слезой ресницы мочит:
«Подожди - ка ты меня,
Попрощаюсь с садом я;
Увезёшь меня в свой дом,
Буду вспоминать о нём»,
А сама вот так легонько,
Отстранилася тихонько,
Руку мягко убрала,
И скорёнько в сад пошла.
Ну, а подлая вдовица –
Первосортная хитрица
Видит Глашенька идёт;
Ласково её зовёт:

«Подойди, соседка, ближе,
Что-то плоховато вижу,
Платье новое, фата,
Вон, какая красота!
На меня, моя соседка,
Не сердись,— поёт наветка,—
Дело в прошлом — то, что было.
То, что было — давно сплыло;
Покажи ка мне себя;
Счастья вам желаю я.
Подойди, не бойся детка, —
Ласково зовёт соседка.—
Я ведь только погляжу
И что надо подскажу».
Глаша думает: «Однако,
Давно в прошлом была бяка⁴⁸,
У ворот Илюша ждёт,
Что ей станет?.. подойдёт».
Шаг ступила к ней, другой;
Поравнялась с городьбой;
Тут Парашка ни откуда;
Рот зажала, вот паскуда⁴⁹,
Кликнуть помощь не даёт —
Рукавицу в рот суёт,
И толкает головой
Девушку в мешок мучной;
Вяжет лыком край в вихор;

---

⁴⁸ Бяка — что-нибудь плохое, дурное.

⁴⁹ Паскуда — пакостный, гнусный, скверный, мерзкий человек.

Подаёт через забор;
Тащат бедную в подвал,
Чтоб никто не увидал;
Платье с Глашеньки снимают;
Дверь задвижкой запирают –
«Пусть в подвале посидит
И к купчишке не спешит».

Глашка платье одевает,
А Парашка примеряет
Ей на голову фату –
«Пусть получают, но не ту.
Кисея лицо скрывает;
Кто за нею? Бог лишь знает;
Если кружев не поднять,
То подмены не узнать;
А венец он всё покроет;
Сам купец, узнавши, скроет,
Чтоб не выглядеть глупцом;
Только это всё потом».

Сёстры дело своё знают;
Косу лживую вплетают;
Да с усмешкой на губах
(В деле видится размах).
Поспешают торопливо,
Речь слышна: «Крепи... На диво,
Лента в косыньку вплелась,
И по цвету удалась.
А теперь к забору, живо!» –

И Парашка суетливо,
По крапиве, напрямик,
Будто дождь её застиг;
Вмиг к забору подбегает
И скамейку подставляет.
Глашку ж обуял задор –
Лезет смело чрѣз забор,
Что под стать только юнцу,..
Чинно шествует к купцу,
Тот, обняв её, встречает
И, к карете провожает.
Их народ с боков теснит,
Каждый видеть норовит:
«Любопытно, интересно...»
В общем, это всё уместно.

Ямщики – в поту ребята,
С тройкой просто нету слада –
Коренник глаза косит,
Мелкой дрожью весь дрожит,
А лихие пристяжные,
Посмотреть – совсем чумные,
На дыбы встают, храпят,
И удилами звенят.
Наш Трезор, смотреть аж больно,
На цепи сидит невольню;
Красна пена с губ ползѣт;
Цепь железную грызѣт;
И клыки свои ломает.
Он не думает, он знает,

Что тут делать, как тут быть,
Как беду предотвратить?

Ну, а где же петушок?
Гребешочек набочёк.
Неужели он в кафтане?!
Неужели он в кармане?!
Нет, такому не бывать!,
Петю в нём не удержать!
Да, поможет он дивчине...

Петя ж лёгок на помине –
Вот пером прошелестел
На ворота метко сел.
Посмотрел на обстановку,
На «невесту» и обновку,
И присвиснул: «Кра-со-та!
Только сужена не та!»
Тут же он взмахнул крылами,
Поднялся над головами,
Когти мигом распустил,
Клюв согнутый наострил,
С высоты на Глашку пал
И когтями вмиг сорвал,
Кисею с её лица....
Народ ахнул: «То, не та!!!
Не Глафира, что девица,
А Глафира, что вдовица...».

В этот миг Трезор пригнулся

Со всей силы оттолкнулся,
Цепь со звоном напряглась,
А потом оборвалась.
Ох, уж как тут пёс ярился!;
Улучив момент, вцепился,
Глашке в лживую косу́;
И клыками, на весу,
Косу с лентой разгрызает,
И мочальную терзает.
Что тут было ... не сказать,
Не сказать, не описать.
Бросились искать невесту,
Наш Трезор по следу к месту –
За собой людей ведёт,
Дверь подвальную грызёт.
Дверь, понятно, открывают
И невесту выпускают
С темноты на белый свет,
То она! сомнений нет.
Ей Трезорка щёки лижет,
Паутину Петя нижет,
Купец на руки берёт,
К тройке бережно несёт;
Кони глаз уж не косят;
Словно вкопаны стоят.
Наш купец так взволновался,
До обеда обвенчался,
Затем Косте говорит:
«Давай в город!» – и навзрыд
Колокольчик зазвенел,

А потом повеселел,
Расплясался под дугой,
На дороге столбовой.
Тройка борзая бежит,
Коренник вперёд глядит,
А лихие пристяжные
Бегут, словно заводные,
У Костюхи повод просят.
Вот залётные выносят
На Московскую и вдруг –
Перед Волгой дают круг
И встают перед юнцом
И его отцом – слепцом.
Тут Илья на землю сходит,
Разговор с слепцом заводит.
Говорит ему: «Прости,
Что был дерзок, не суди.
Всё ты правильно сказал,
Все события предсказал.
Для меня же то – урок,
И урок пошёл мне впрок.
Вот тебе моя награда...» –
«А награды мне не надо, –
Говорит ему слепец, –
Разве стоит леденец,
Сыну от тебя принять...
Да ещё хочу сказать,
Не одну жену нашёл –
Божий дар ты приобрёл.
Её дело – это тайна,

Тайна эта, не случайна.
Знай, что скудельны игрушки –
На земле не безделушки,
Дал их людям сам Господь,
Чтобы помнилась любовь;
А жена твоя в селеньях
Лучшая в своих твореньях;
Несёт радость детворе
И надежду – кто в поре.
Её дела не полюбишь –
На корню жену загубишь.
Сам, конечно, не лепи,
Но и дара не губи.
Год, однако, не пройдёт –
Тебе дочку принесёт,
А потом двух сыновей;
Будет пятеро детей.
А теперь езжай ты с Богом,
Только помни, этим словом
Я тебя предупредил;
Тебе тайну приоткрыл.
Не послушался ты прежде,
А теперь езжай в надежде,
Что всё сладится у вас;
Вот и весь на этом сказ».
И не стало вдруг слепца,
Не слепца и не мальчика.
Будто в небеса взвинтился,
Иль под землю провалился.

А соседка Глаши Глашка
И её сестра Парашка
Пока свадебку играли,
Злое дело затевали,
Чтоб Глафире отомстить.
Помешать счастливо жить.
Зло в груди шумит, клокочет,
Бьёт в виски и мщенья хочет,
Планы зреют в голове...
О покорности судьбе,
Меж собой не говорят...
А чего ж они хотят?
Что за умысел у них –
Злое дело на двоих?
Догадаться здесь не трудно,
Мудрый – поступает мудро,
Ну, а мстительный глупец,
Тем доволен, что простец
Вряд ли что подозревает
И себя не защищает.

Ночью сёстры собрались,
В дом к Глафире пробрались,
Чтоб игрушки поломать,
Злое зло в себе унять.
В темноте, крадучась входят,
Дверь игрушечной находят,
Вот ступают на порог...
Только не судил им Бог
Злое дело совершить

И игрушки перебить.

Как наш бык увидел Глашку
И её сестру Парашку,
Что с ухватом, с топором
Вместе прут в дверной проём.
Заревел, аж, дом затрясся,
Слышать было то ужасно,
Пламя вылетело с ноздрей,
Пыль завилась, а за ней
Землю бросил копыто́м,
По бокам стегнул хвостом,
Опустил тот хвост к земле
И игрушки на столе
По хвосту к горбу бегут,
Только видели их тут.
В горб вошли и дверь закрыли,
Совсем даже не шумели,
Не толкались на хвосте,
На хвосте и на спине.
Бык рога ещё нагнул,
Головой большой тряхнул,
И пошёл на чужаков,
Без вопросов и без слов.

Смотрит Глашка – бык-гора
Из главы торчат рога.
Каждый рог, как дуб большой,
С тёмной кольцами корой.
На спине горб огромный,

Как курган в пустыне томной;
Дверь в горбу стоит резная,
Три ступеньки. И прямая
К ним дорога по хребту,
По хребту и по хвосту.
Лоб огромный, безразмерный,
Бык, зная, силы непомерной,
У игрушек он в дозоре,
Искры мечутся во взоре,
Бык ни день, ни ночь не спит,
Мир игрушечный хранит.
Изукрашен всем на диво.
В нём земли родимой сила.
С силой той не совладать
И игрушек не сломать.
Испугалась его Глашка,
Повернула вспять Парашка.
Раз – споткнулась, два – упала;
От испуга быстро встала,
На карачки, и за дверь,
Как привычно ходит зверь.
Глашка к двери отступила,
Ведь в ухвате тоже сила,
Хрясть быка по лбу меж рог,
Ну, а дальше на порог,
Отойти уж не успела,
Знает бык защиты дело,
Глашку поднял на рога...
Так он делает всегда.
Вверх подкинул, точно мяч,

На рога поймал опять.
Глашка охает, рыдает
Делать что, она не знает
Бык сильнее во сто крат...
Из рук вылетел ухват...
Где Парашка? Нет сестры...
Знать за всё в ответе ты...
Вместе думали о мести,
О купчишкиной невесте,
Только дело сорвалось,
На рогах висеть пришлось.
Бык взревел ещё сильней,
Аж слетела с петель дверь,
Волк в лесу от страха взвыл,
Филин крыльями забил
И заухал... Он в стволе,
Ночевал в своём дупле,
На коряжистом дубу;
Вепрь ушёл в лесную тьму,
Там залёг среди коряг,
Старых пней... и мутный мрак
Лес тот до вершин покрыл
И от глаз охочих скрыл,
Тайну дебрей и болот
Где кикимора живёт.

Бык ещё тряхнул рогами –
Глашка – на пол вверх ногами.
Стонет, охает, божится,
Что такого не случится,

Бес попутал, отпусти,
Душу божью не губи.
Делать зло теперь не буду,
И науки не забуду.

Бык лежачую не бьёт
Грозно головой трясёт.
Глашка задом на порог,
С сарафана вырван клочок,
На карачки и за дверь...
Ты рассказчику поверь –
Нет сильнее страха жала...
Мимо дома убежала,
Впереди несётся Глашка,
А за ней сестра Парашка.
Где бегут? Куда? – не знают,
Только вёрсты вслух считают.

8

С той поры проходит год.
Глядь, волнуется народ;
Задают вопросы часто –
Где купец? И как там Глаша?
Народила ли ребят?
Слухи ходят, что девчат;
Сразу двух на свет явила;
То по-нашему, то мило.
А, другие говорят –
Родила двоих мальчат.

Кто те слухи разберёт?
И чего в них кто поймёт?
Только я гадать не стал,
Взял, поехал и узнал.
Где живут? и что за место?
Я скажу, что им не тесно;
У семьи их дом большой,
С белой каменной трубой.
От Сенного от базара,
Если повернуть направо,
Да проехать версты две,
То увидишь на холме,
Новый кованый забор,
За забором пёс Трезор,
Без цепи гуляет вольно;
Двор обширный, в нём привольно;
Двор выходит в чудо – сад;
В саду зреет виноград;
Со второго этажа,
Волга в расплеске видна;
С реки отблески идут;
Струги новые плывут;
Долго по волнам не ходят;
Сразу к пристани подходят;
Трутся бортом о причал...
Вот что там я увидал,
И узнал, что наш Гвоздец,
Первой гильдии купец,
Торг ведёт по всей реке,
И по Каме и Оке;

Строит мельницы, причалы,
Судоходные каналы
И презренные дома⁵⁰,
Златоглавы терема,
Да ещё в земле чужой
Торг имеет прибыльной;
Он в казну процент кладёт
И доход страны растёт,
Отчего пруссак немеет,
А Россия богатеет.
Вот какой он наш Илья
И тому свидетель я.
«Его слово твёрдо, веско, –
Слышать это было лестно, –
Не обманщик, не скупец...».
В общем – просто молодец.
У царя Илья в почёте,
Говорят ещё в народе,
Что не зря Илья Гвоздец
Носит православный крест.

«Ну, а что же наша Глаша?» –
«У неё дочурка Даша;
В доме мир царит, покой;
Собралась за двойнёй».
В доме я, конечно, был,
Но, сказать совсем забыл.
Подошёл я к воротам,

---

⁵⁰ *Презренные дома* – дома для больных, калек, сирот (*прим. автора*).

Постучался: Бам! – Бам! – Бам!
«Эй! дворовый! Где ты?!» ... «Тутá».
Мужичонка ниоткуда
Появился у ворот,
Шапка задом наперёд,
Борода торчит кустами,
Под густыми под бровями
Глазки добрые блестят,
Рядом уши топорщат;
Улыбается, кивает
И калитку открывает:
«На те ... сказочник! ... узнал;
К нам в деревню приезжал.
Цыц, Трезор, ... пошёл на место;
Лает к месту и ни к месту;
Гость, а он ... того ... блажит;
Вот как времечко летит...
А хозяина нет дома...
Глаша?... Глашенька здорова;
Во-он... по тропочке спешит;
Знать увидела ... бежит».
Тут же голос раздался:
«Фу, Трезор, ... свои ... нельзя...».
Меня Глаша узнаёт,
К себе в горницу ведёт,
Оставляет погостить;
Дом большой, де, есть где жить.
Погостить я согласился
И на горницу воззрился.
В этой горнице повсюду,

На меня взирает чудо;
Полки, в белых кружевах,
А на полках, просто «Ах!» –
Столько радостных игрушек,
Ребятишек и зверушек:
Кто-то по воду идёт,
Кто овцу домой несёт,
Кто на санках, кто в лукошке,
Кто-то дремлет на порожке,
С кошкой пёс играют вместе,
Бык, баран, всё честь по чести.
Ну, а стол – смущенье ока.
По столу-то из далёка,
Скачет тройка во весь мах;
Вот она уж в небесах
Оттолкнулась от стола,
Прямо к облаку взмыла.
И заметить я не мог,
Как раскрылся потолок,
Кони в воздух поднялись
В небо резво понеслись.
Тройка по небу бежит,
Коренник вперёд глядит,
Топчет звёзды копытом;
И роняет их притом.
Звёзды наземь опадают
Но совсем не пропадают;
У изделий на главáх,
Размещаются во лбах.
Что ни звёздочка – то ямка;

В ямке вычурная рамка;
Луч в ту ямку упадёт –
Ямка светом изойдёт –
Брызнет яхонтом в глаза;
Следом тут же бирюза;
Сотни искр взлетают ввысь,
Что она горит, кажись.
За мостом утята важно
Щиплют травку и отважно,
Чтоб сразить наверняка
В бой идут на червяка.
А за ними бык-гора,
Из главы торчат рога.
Каждый рог, как дуб большой,
С тёмной кольцами корой.
На спине горб огромный,
Как курган в пустыне томной;
Дверь в горбу стоит резная,
Три ступеньки. И прямая
К ним дорога по хребту,
По хребту и по хвосту.
Лоб огромный, безразмерный,
Бык знать силы непомерной,
На столе стоит в дозоре,
Искры мечутся во взоре,
Бык ни день, ни ночь не спит,
Мир игрушечный хранит.
Изукрашен всем на диво.
В нём земли родимой сила.
С силой той не совладать

И игрушек не сломать.
Если враг к игрушкам рвётся,
У быка глава нагнётся,
Рёв раздастся из груди
Тут к нему не подходи,
Пламя вырвется с ноздрей,
Пыль взовьётся, а за ней,
Он копытом землю взроет,
Волк в лесу от страха взвоят,
В чащу дикий вепрь уйдёт,
Филин крыльями забьёт
И заушает. Однако,
Бык-гигант не знает страха,
Хвост опустит он к земле
И игрушки на столе
По хвосту к горбу взбегут,
Только видели их тут.
В горб войдут и дверь закроют,
Пусть в чащобе волки воют,
Пусть глазастый сыч кричит,
Им никто не повредит.
Лишь последний в дверь войдёт —
Бык хвост тут же уберёт,
Чтобы враг как не искался,
А к игрушкам не добрался.
Дальше бой ведёт отважно,
И замечу, это важно,
Бык лежачего не бьёт,
А рогами лишь встряхнёт,
Так что хрустнут позвонки,

А затем уж, враг, беги.
И бежит злодей тогда
Сам неведая куда,
Страхом собственным гоним,
Ну, а тень его за ним.
А опасность лишь минует
Бык на землю хвост опустит,
Видел сам, про то не вру,
Дверь откроется в горбу
И глиняшки, кто бегом,
Кто с прискоком, кувырком
По хвосту на стол сбегут
И свои места займут.
Кто на лавке, кто на полке
Кто в кармане, кто в кошёлке,
Средь горшков и на окне...
Остаётся на спине
Лишь мартышка с кличкой «Сям»,
Строя рожицы друзьям.

Удивляюсь чуду я:
«Вот же, милая моя;
Ты купчихой вроде стала,
А желанье не пропало,
С глины дивности лепить,
Ведь я знаю – есть чем жить». –
«Прав ты, сказочник, – сказала,
И неторопливо встала, –
Видишь, рядом флигелёк,
В окне светит огонёк?

Муж построил для меня,
В нём теперь душа моя.
Вас к нему я провожу
Флигелёчек покажу».
И идёт она во двор
Ластится к ногам Трезор,
А потом бежит вперёд,
Как бы за собой ведёт.
Дверь Глафира открывает,
В флигелёк меня впускает.
В флигельке столы стоят;
Девы на скамьях сидят.
Эти милые девицы,
В глинном деле мастерицы;
Пальцы дев тонки, ловки;
В подмастерьях – мужики;
Мужики им глину возят,
И водой её разводят;
Долго мнут её потом,
Бьют её ещё дубьём;
Водой после обрызгнут
И в дерюгу завернут;
После этого, как знать,
Спустят в яму отдыхать.
После долгого лежанья –
Несут глину на свиданье;
Мастерицам показать,
О готовности узнать.
Ну, а эти мастерицы,
С глиной чтобы породниться,

В руки белую берут,
Щупают, катают, мнут,
Улыбаются счастливо –
Глинка вышла просто диво.
Как такую не любить?
Тут же пробуют лепить.

«Ну, а где же петушок –
Гребешочек на бочёк? –
Вдруг спросил я, вспомнив Петю, –
Может быть он на повети?
Интересно же узнать,
И читателю сказать».
И услышал я ответ:
«Петушка со мною нет;
У Ильи в кармане правом,
В струге плавает с товаром.
Если тать на струг идёт –
Сразу голос подаёт,
Шевельнётся, заквахчѣт;
Перья разом распушит;
Купец, дескать, не зевай;
Меня быстро вынимай.
Я вокруг всё осмотрю
И что делать, просвищу.
Петю вытащит Илья,
Свиснет кочет: – «Вот он я!
Что на сходнях за народ? –
Поглядит и скажет, – сброд;
Им товар не доверяй;

От причала провожай.
Видишь, тот вон бородач...
Он за главного, он тать.
Концы рубим для начала,
И отходим от причала.
Новых грузчиков найдём,
Так, тогда и подойдём». –
«Вот такой наш скуделец
А на вид, такой простец.
Вороватый люд в округе,
Стороной обходит струги;
А главарь их не поймёт,
Почему им не везёт?
Без свистка Илья ни шагу...» –
«А как сёстры, варят брагу?
И, играясь судьбой,
Люд смущают ворожбой? –
«Помню, помню! Эта Глашка,
И её сестра Парашка;
Вот неглядные дела,
Убежали из села.
Нет ни слуху и ни духу;
Видно сильно дали труху;
Перестали люд мутить;
Пусть поучатся, как жить?
И в далёкой стороне,
Будут тоже в бороне,
Если старое не бросят...» –
«Ну, а как ямщик тот, Костя?
Что на троечке лихой

Ездил, помню, не трусцой.
Отвечает: «Есть такой.
Теперь наш он стремянной⁵¹.
Кони – это его дело.
Правит, как и прежде, смело.
Если едет на базар –
Люди все на тротуар;
С под ладони вслед глядят;
Пристяжные галопят⁵².

Я в дому гостил три дня,
И дыханье затая,
Наблюдал за мастерицей...
Только солнце засветится,
Сразу же идёт во двор;
Там уж ждёт её Трезор.
Он хозяйошку встречает,
Бегаёт вокруг и лаёт.
Под навес она идёт,
Глину из ведра берёт;
С глины делает игрушки,
На баранах завитушки,
Гривы лепит у коней,
И свистульки, что звончей
Не бывает на селе;
На большом творит столе;

---

⁵¹ *Стремянной* – (для этого текста) – личный ямщик купца (прим. автора).

⁵² *Галопят* – производное от слова – «галоп»; самый быстрый бег лошади.

С тройки русской начинает;
Всю звездами украшает.
Тройка по столу бежит,
Коренник вперёд глядит,
Устремляясь ко звездам...
Я всё видел это сам.
Каким образом там был?
Я того здесь не открыл,
То сказителей секрет –
Видеть всё за много лет,
Чтоб детишкам рассказать,
Да всё точно описать:
Где? и как? и почему?
Что известно самому.
Петя мне не даст соврать,
У него ведь к сказкам – страсть.
Прилетит, через забор,
Сядет сам на монитор,
Сверху вниз на текст глядит,
Клювом важно шевелит,
И читает про себя.
Что не так, свистит: «Тут зря-а!!
Огород не городи-и!..
То, что было говори-и!»
Да. Такой наш петушок
Гребешочек на бочёк.
Сквозь века и в наше время?!
Вот ведь сказочное племя.
Нет для Петеньки преград.
Петушку всегда я рад.

Он подскажет, он научит,
Что не так, так тут же взбучит,
Опечатку углядит,
Всё проверив, – улетит.
Сказку вместе с ним писали,
И по клавишам стучали.
Пальцем я, а носом он.
Так писать – у нас закон.

Вот и сказке тут конец,
Тот, кто слушал – молодец.
Кто не ведая живёт –
Тот, надеюсь я, прочтёт.

Сказка о Глебучевом овраге

1

Я сужу, что это сказка;
А быть может и не сказка;
Говорят, что это быль,
Только лет осевших пыль,
Те события покрыла,
И от нас нещадно скрыла
Судеб тех переплетенье;
То, чем жили поколения,
Этак, триста лет назад;
О чём записи молчат.

Был ли я там, или нет? –
Сам ты дашь себе ответ,
Я же расскажу тебе
О таинственной судьбе,
Об истории далёкой,
Может где-то и жестокой,
Где весёлой, где смешной,
Расскажу, на что рукой,
Можно просто бы махнуть,
Но, нельзя не помянуть...
Про Саратов расскажу,
Нитку с ниточкой свяжу.
Загляну за много лет,
В сих стихах сокрыт секрет –
Зарифмованный в них сказ,
Это – даже не рассказ,
Не простое ума знание,
Это, друг мой, – величанье,
Величанье старины,
Той, откуда родом мы.
С старины той родом сказки,
И загадки и отгадки,
Имена, названья мест,
Рек, озёр, и гор окрест?
Каждый малый буерак
Назван ведь не просто так.
Почему так названа –
«Соколова гора»?
Или «Глебучев овраг»?

Времени сокрыл то мрак.
Ходят разные тут толки.
Слышал я, как будто волки
Дитя малое украли,
(Его Глебушкою звали),
Унесли в овраг крутой
Весь заросший лебедой,
Исполинскими древами
Да мохнатыми кустами.
Смельчаки в него ходили,
Но, дитя не находили,
Ни одежды, ни костей
Ни каких его вещей.
Видно, то были не волки.
Были и такие толки –
Нечисть мальчика взяла
И в овраг тот унесла
Обернувшись там зверьём
Пребывая в зле своём.
Только с той поры в овраге
От огромнейшей коряги
Раздавался детский плач –
А дитя-то... не вида-ать!
Мать с ума сошла от горя,
Всё ходила имя вторя:
«Глеба..., Глебушка,... сынок!
Ты родной мой голубок!
Ну откликнись ... закричи!
Только, милый, не молчи...»
Ровно год с тех пор минуло –

Под обрыв она шагнула,
С кручи в пропасть сорвалась.
Вот какая была страсть.
Говорили: «Глеб позвал»,
Только кто же то знавал?
В общем, с той поры народ
Овраг этот так зовёт,
В память сгибшего мальчика.
Многие с тех пор ветра
Прошумели над обрывом.
И обрыв тот тоже смыло.
Стал он низок и полог.
Вот такой тому итог.
Позастроенный домами
И засаженный садами,
Стал овраг совсем иной.
В нём не слышен волчий вой.
В нём тропинки и дорожки
Цветников красивых брошки,
В трубах там вода журчит
Под покровом толстых плит.
Глеба люди не забыли,
Центр красивый там открыли.
Место памятнику есть,
Вот такая Глебу честь.
Был овраг, и нет оврага,
Уж, какая там коряга
Просто низменность теперь
А оврага нет, поверь.
Рядом с ним гора крутая.

То история другая,
Это давние дела,
Но жива ещё молва,
Вот об этой-то горе
И поведаю тебе.

Сказка о Соколовой горе

Обещал сказать, скажу!
Всё как было расскажу.
О горе и о судьбе
Я поведаю тебе.
Ты меня, малец, послушай,
Да речей моих откушай,
Слов на веру не бери,
А умишком рассуди.

Был тогда Саратов мал,
Ты его б и не узнал,
Если б вдруг попал в него.

Так почти что ничего
От того и не осталось,
Разве, если только, малость.
Был он, правда, не такой,
Маленький, не суетной
Он не знал автомобилей,
Самолёты не кружили,
Не пытели корабли,
Ни чужие, ни свои;
К Волге жался между гор,
А вокруг него забор –
Колья выстроились в ряд,
Остриями вверх глядят,
Тротуары из досок,
Да бревенчатый мосток,
Через топкий буерак...
Вот и весь его размах.
Домик к домику, рядком,
Пробираются холмом,
До горы же не доходят
И порядком к Волге сходят.

Город лесом окружён,
Жили-были тогда в нём
Мастера и мастерицы,
И другого званья лица,
Быстро всех не перечесть,
Кому слава, кому честь.
Нам же все и не нужны,
Что для сказа – те важны.

И ещё для нас важна –
Соколова гора.
Место дикое, не спорю;
Край горы той лес, что море;
К Волге – глинистый обрыв;
Ниже – оползнь наплыв.
Люди в гору не ходили;
Место под горой селили;
Да кому была нужна,
Эта дикая гора?
Разве только что на срубы
Дубьё брали лесорубы,
Глубже в лес не заходя,
Опасаясь зверья,
Что ночами дико воет;
Лес стоглавый ветром стонет,
А над самою горой,
Сокол кружит день – деньской,
В землю, взглядываясь в оба;
Вам скажу о нём особо.
Наш не кончен ещё сказ –
Слышен соколиный глас,
Над высокою горой.
Страшновато там порой
Видеть сокола в гнезде,
Да с костями на траве,
Под разбитым громом древе.
Говорят, что юной деве
Птичий царь спастись помог; –
Лиходей силён, жесток,

Нет, не выручил клинок,
Сам костями в землю лёг,
Но об этом по порядку,
В этом кроется отгадка,
Той истории – века.
Ты не торопись пока.
Сказ про сокола, гляди,
Ещё будет впереди.
И не всё там было гладко.
А пока, что мирно травку,
Козы щиплют у горы,
Ну а ниже – табуны,
В Волге воду, скалясь, пьют
И копытом волны бьют.

Коз тех девушка пасёт
И венок себе плетёт.
Каждый день она из града
На лужайку гонит стадо,
Впереди козёл идёт,
Бородой седой трясёт,
А козлятки – прыгунки
Скачут наперегонки.

О пастушке сказ особый,
Он для нас с тобою новый,
А для времени того –
В общем, каждый знал его.
Дуней девушку ту звали,
А Дуняшей окликали.

Дуня личиком бела
И, конечно же, умна.
На лице глаза большие,
Как озёра голубые,
Зубки ровны жемчугом
И коса при всём при том.
Спрячет зубки, улыбнётся
Сердца таинство коснётся,
Но не каждому она
Улыбалась как весна,
А ждала – кого полюбит,
Знать, того улыбка будет.

В церковь девушка ходила
Бога в церкви той молила,
Чтоб была судьба легка,
Чтоб иметь ей жениха,
Не скупца, ленца какого,
А душевного молодого,
Работящего, с простых,
Чтоб была любовь у них.

Коз, когда она пасла,
Кружева ещё плела
И скажу я тут же вам,
Кружева те – зависть дам,
Есть, глядя чему дивиться,
Одно слово – мастерица.
Хоть была она видна,
Но, однако же – бедна.

Не умела выряжать,
И большие деньги брать.
Кружева купцам сбывала,
По дешёвке отдавала.

Часто пела на пригорке,
Платье длинное со сборкой
Подбирала под себя,
В руки свистушок брала,
Что сама же и слепила
(То, тогда было не диво
С глины свистунов лепить,
Дивны трели выводить).

Козы в круг её сберутся
Друг о дружку шеей трутся
И рогами не трясут
Тихо так себя ведут.
Смотрят, музыке внимают,
Вот животные, а знают,
Что такое красота,
В старом слоге – лепота
Вожак тоже подойдёт
Бородой седой трясёт,
Выкатит на звук глаза,
А из них, того – слеза
Понимает бородатый,
Седой, старый, узловатый
Звук такой, не суета,
И не хлопанье кнута

Средь оврагов и равнин
Он один лишь господин.
Хочет – птицу остановит,
Хочет – волк в трущобе взвоят,
Если вечером смотреть,
Мёду ей несёт медведь,
Горшок ставит на пенёк,
И от сладости чуток,
Дуне тихо подпевает,
То - ли пасть лишь открывает,
Знать, та нота высока,
Для большого медвяка.

Дуня очень птиц любила,
Пташек с рук она кормила,
Те слетались со сторон
И садились на ладонь,
Чтобы крошек поклевать
И ещё – пощебетать.

Сокол тоже там кружил,
Он неподалёку жил,
На дубу в большом гнезде,
На той самой на горе.
Дуб огромный, в три обхвата;
В нём дупло, почти как хата;
Если что-то постелить,
То возможно даже жить.
Говорят в нём жил отшельник,
За народ большой молельник;

Беглый каторжник живал,
Свою голову спасал,
Да замаливал грехи,
Те, знать, были нележки;
Когда сокол гнездо свил –
Больше в нём никто не жил.
Чтобы не было печали –
Звери дуб тот обегали;
Не жилище он синиц –
На дубу живёт царь птиц.
В общем, так молва гласила,
Как же всё по правде было,
Знает только дуб один,
Того леса господин.
А про сокола, гляди,
Будут строки впереди.

Этот сокол день-деньской
Над пастушкой молодой
В небе голубом парил,
Над горою той кружил.
Только люди замечали,
Птахи с рук не улетали,
Если сокол в небесах,
И не прятались в кустах,
А клевали мирно крошки
На Дуняшиной ладошке.

«Знать красавицей дивится, –
Говорили люди, – птица,

Просто так кружить не будет,
Если кто не приголубит».

Замечали ещё – птица,
К Дуне на трубу садится,
То не сокола приём,
Он не галка, чтоб на дом,
Среди бела дня спуститься.
С гладу можно помереть
Если на трубе сидеть.
Ну, а Дунюшка смеётся:
«Сокол в руки не даётся,
И зачем ему девица?
Ему ближе соколица».

Тут в умах пошли брожения,
Пересуды, толки, мненья:
«Кошек всех пораспугал,
У соседки пёс сбежал. –
Что за прихоть, что за блажь?
Не любовь ли тут подчас?»
А сосед – охотник старый,
И добавлю я – бывалый,
Тут затылок почесал
И народу так сказал:
«Что, иль невидаль какая?
Сокол, знать, душа живая,
Его тайна не про нас,
Он не обижает вас,
Вот и нечего судить,

Что и как в кругу рядить,
Не мешает никому,
Не крадёт цыплят в дому.
Пусть летает, не беда
Лишь воронам маята.
Сосед-сокол им не нужен,
Эвон как, собравшись, тужат
И гадают меж собой,
Как прогнать его домой
В лес, подальше от людей
И от вольницы своей.
Знать чернявые боятся –
Можно с жизнью расстаться,
С ним не будешь так шуметь,
С высоты на всех глядеть,
Передразнивать прохожих,
Языком на их похожим.
Или что-то воровать,
Всходы на грядках щипать.
Вот к кому претензий много,
Ну, а вы всё: «Сокол - сокол».
Люди норы поуняли,
Пенять соколу не стали.

А по осени в Саратов
Прибыл парень неженатый
Коробейник молодой,
Да с коробкою большой,
Из которой, он немало,
Пораспродал здесь товару,

День по улицам ходил,
Прибаутки говорил,
То похвалит сарафан,
То платочек, то кафтан,
То подарит вдруг игрушку,
Иль какую безделушку,
Карапузу лет пяти.
Мимо было не пройти.
Парень ладный, статный, видный
И имеет куш солидный,
Своё дело у него,
Звали Фёдором его.
И однажды в день торговый,
Приодев картузец новый,
Вышел Фёдор продавать,
И товар свой предлагать.

От зевак прохода нет,
Будто собрался весь свет,
А тут, на тебе, возок
Бегут кони со всех ног,
Кучер с облучка встаёт,
Кнутом машет и орёт:
«Сторонись с дороги, люди,
Кто успеет – живым будет,
А не ловок, не шучу,
Лошадьми затопчу!!
Дай проходу! Сторонись!
Не забудь же, поклонись.
Развели тут балаган...»

(А в возке том сотник пьян).

В общем, как тому случиться,
Нашей Дуне тут явиться
Пред конями, Бог послал,
Или кто её наслал?
В общем, дева растерялась,
Вся в комок от страха сжалась,
Ноги с места не идут,
Ну а кони с храпом прут.
А подруженьки девицы,
Уж закрыли в страхе лица –
Сейчас Дунюшку сомнут
И по ключьям разнесут.
А толпа, как онемела,
То нешуточное дело.
Знают сотника – Демьяна,
Кучера его Ивана;
Лучше им не попадаться,
Можно с жизнью вмиг расстаться.

Вдруг с толпы зевак большой,
Коробейник молодой,
Моментально выступает,
Короб на́земь он бросает,
Бусы, серьги по траве,
А он виснет на узде,
Повод кожаный сжимает
И лошадок усмиряет.
А те с пеной на губах,

Ошалелостью в глазах,
В сбруе на дыбы встают,
Сталь удильную грызут,
Рубят воздух копытами,
Но смиряются вожжами.
Парень Дунюшку берёт,
Поднимает и несёт,
От возочка и коней,
Просто жизнь спасает ей.
Ну, а сотник этот спьяну,
Кучеру кричит, Ивану:
«Встал чего? Давай, гони!
На зевак же не гляди!?
Лихоманка чтоб взяла...»
И выходит из возка.

Сотник давит, то не ново
Расскажу о нём особо,
Без него и сказа нет,
Вот каков его портрет:

В молодом Саратов-граде,
Сотник жил и при параде
Бороду усы носил
Молодых девиц любил.
От бесчинств его, вина
Пострадала не одна.
Девушки его боялись,
А, завидев, разбегались.
Слали жалобы царю,

Самому государю,
Но и славные цари,
Здесь управы не нашли.
Парни за невест вступались
Укротить бойца пытались,
Даже по трое брались –
Их укоротилась жизнь.
Иль дрались они н смело,
Или саблей не умели
Хорошо в бою владеть,
Но историй тех не счесть.

Этот сотник, когда пьян,
Дерзок был и хулиган.
Если дева приглянётся,
Ни за что не отобьётся,
А в народе говорится:
«Сколь верёвочке не виться.
Но, настанет ей конец».
Вот таков был «молодец».
В общем, так всё и случилось,
Да с годами всё забылось;
Нам же надо вспомнать,
Жизнь в историю вдохнуть.

Ну, а сотник, вот напасть,
Кому, видно, не пропасть,
Видит молодец идёт,
Деву на руках несёт.
Дева, сущая краса,

По земле её коса,
Змейкой русою струится.
Ахнул сотник: «Сон ли снится?
Девы не встречал такой,
За стеною городской.
– «Кучер! Всё о ней узнать,
Расспросить и рассказать.
Прежде, кто она такая?»
– «То пастушка молодая,
Дуней в городе зовут, –
Отвечает кучер тут. –
Она, знать, с простонародья,
Не годна для благородья». –
«Цыц, указчик и советчик;
Я ли, пред тобой ответчик?
Сам в сем деле разберусь,
Ну, а парень, что за гусь?» –
Сотник снова вопрошает.
– «Коробейника всяк знает –
Отвечает борода, –
Он торгует здесь всегда.
Что сказать о молодце,
Короб носит на плече,
За ним девушки гурьбой,
Парень красный, молодой,
Из столицы как-никак,
И не ломится в кабак.
Как в такого не влюбиться,
С рук его принарядиться». –
– «Хватит! – рассердился сотник, –

Я смотрю – болтать охотник.
Нечего мне в уши дуть;
О чём спрашивал – забудь».

Много ль время пролетело,
То совсем не наше дело.
Только парень молодой
Стал пастушке друг большой.
Ну, а наш вояка бравый.
Как известно, разудалый,
Всю весёлость потерял
И с лица как будто спал.
Всё узнал он о девице,
Что у этой молодежи,
Та, что коз в лугах пасёт,
К свадьбе дело уж идёт.
И до свадьбы молодых,
Лишь остался один чих.

Ну а как же сотник наш?
Сотника скрутила блажь.
Он сидит и трубку курит,
Смотрит в землю, брови хмурит.
Планы строит, крест кладёт,
Разговор с собой ведёт:
– «Как он смел, паршивец дрянный,
Иль не знает, окоянный,
Что жених пастушки – я?
Лезет, сам себя губя.
Видно хочет опозорить,

Дескать, что мне не поспорить
Даже с сотником самим,
Не сыграть в игрушку с ним?
Дескать, на меня плевать,
А девицу в жёны взять.
Пусть хихикает народ,
Меня чучелом зовёт».

Сотник места не находит,
Злой как волк по граду ходит
Кучера к себе завёт,
Разговор такой ведёт:
– «Ванька! Слышишь ты меня?!
Всё случится в си три дня,
Без пастушки мне не жить,
Подскажи же, как мне быть?
Как девицей завладеть,
Чтоб женой её иметь?
Ни наложницей какою,
Ни прислужницей простою,
Чтоб хозяйкою была,
Дом, хозяйство бы вела?»

Кучер с места круто взял:
– «Ты тут барин опоздал
Если силою возьмёшь,
То любви ты не найдёшь.
Я хоть больно не мудрец
Вся, причина – молодец.
Если сможешь до венца

Убрать в землю молодца,
То тогда другое дело,
Девку эту возьмёшь смело,
Только не скажу что сразу,
К ней за кольную ограду,
Надо будет походить,
Стать женой уговорить».

– Так, а как же с ним мне биться?
Он не воин, чтоб сразиться,
Сабли сроду не держал,
Разве только продавал
Малолеткам бубенцы,
А девицам леденцы...
– Чтоб не быть здесь в дураках,
Ты сойдись на кулаках, –
Отвечает кучер Ваня, –
То-то будет хлопцу баня,
Кулаки – то не укор,
Всяк имеет, не позор.
При народе с ним сойдись.
Земле, солнцу поклонись
Да и бей, чтоб наповал» –
Вот такой совет он дал.
– Ты, Иван, с ума что ль спятил,
Чем с утра глаза ты застил?
С мужиком!? На кулаках?!
Биться будем на клинках!
Чтоб марать мне кулаки!!
Для чего тогда клинки?!

Распорю ему живот,
Пусть подумает народ:
«Встать ли на моём пути,
Если можно обойти?».

Так почти что и случилось,
Только дело провалилось.
С женихом он сталь скрестил,
И, конечно же, убил.
Ну а Дуня от испуга,
(Потеряла больше друга),
В лес высокий подалась,
В саму чащу забралась.
Чтобы звери растерзали.
Очевидцы так сказали,
Потому что ей милей
Жизнь закончить от зверей,
С места, дескать, не сойти,
Чем за сотника идти.

В чаще слышен стон летучий,
Над древами бродят тучи,
Дождик каплет, шум стоит,
Из-за веток мрак глядит.
Хохот чей-то раздаётся,
Слышен плач и сильно бьётся
Сердце Дунино в груди,
Что там в чаще, впереди?!
Лесовик ли за древами?
Иль кикимора за пнями?

Чей там слышен скрип и стон?
Кто крадётся со сторон?
Око жёлтое мерцает,
И смеётся, и рыдает
Филин в морщенном дупле,
На карёжистом стволе.

Дальше вот что с нею стало –
Дуня в обморок упала.
Сколько времени прошло,
Того не ведает никто.
Лес лишь знает, в это время,
Волк, вот кровожадно племя,
Рядом в чаще той бродил
И на Дуню наскочил.
Увидал, клыки оскалил,
По ноге хвостом ударил,
Шерсть от злости поднялась...
Злая воля, злая страсть
Закипела в лютом звере
Каждый мускул в сильном теле
Дрожь прошла от любви
К страху жертвы и к крови.
– «Вот оно - судьбы везенье»
Только серого решенье –
Дуню в чаще растерзать,
Укротила птицы страсть.
Когти впились в спину зверя.
Волк от боли взвыл, не веря –
В близкий собственный конец –

На спине-то соколец.
Сокол бьёт его крылами,
Спину рвёт его когтями,
Клювом серого слепит
Око яростью горит.
Сделал волк последний вздох,
Пал на землю и издох.
Сокол к Дуне подлетает
И за платье поднимает
Он девицу в небеса.
И несёт её туда,
Где огромный дуб стоит,
На ветвях гнездо лежит.
Сокол к дубу подлетает,
Наземь деву опускает,
Бережно на мох кладёт.
Но девица не встаёт,
Глаз она не открывает,
О случившемся не знает.
Сокол к Дуне здесь подходит,
По лицу ей клювом водит,
Крылья в Волге намочил,
Дуню влагой окропил
И девица тут очнулась,
Просто, будто бы проснулась,
Видит, сокол у груди,
Перья пятнами, в крови.
Видит Дуня дуб высокий,
В дубе том проём глубокий.
Дуня на ноги встаёт,

И к дуплу в стволе идёт.
В нём на мох она ложится,
Стережёт её царь-птица.

С той поры в лесу она
Стала жить совсем одна.
Всем нам ясно – без людей.
Возвращаться в город ей,
Страшно, сотника боится.
Леса менее страшится.

Дуня ночь в дупле проводит,
Днём в гнездо по веткам всходит,
В нём с цветов венки плетёт,
Из полёта птицу ждёт.
На охоту провожает,
Перья в крыльях расправляет,
Машет вслед ему платком,
А потом грустит о нём.
И мне кажется она,
Полюбила летуна.

– Враки!? – Может быть и врут?
Но, а я хотел, чтоб тут,
Памятник любви стоял ;
Сокол бронзовый взлетал;
А внизу его девица,
Мастерица и певица
С непокрытой головой
Махала соколу рукой;

И, прости меня, читатель,
Ты ведь тоже, друг, искатель
Чистой бережной любви;
Я отвлёкся – не кори;
Продолжаю дальше сказ;
Он, конечно, не про нас.

Сотник в это время тужит,
По лесам в округе кружит,
Ищет он дивчину Дуню,
И готов пустить он пулю
В тех, кто встанет на пути,
Дуню надобно найти.
Рвёт одежду, лезет в чащу.
Вот ведь вышла незадача
Дуб огромный на пути,
Ни проехать, ни пройти.
Посреди дупло большое.
Десять человек укроет.
Заглянул в дупло – она!
– Дуня! Дуня! – тишина.
– Дуня! Ты ли! Слава Богу!
Я нашёл к тебе дорогу!
Сотник выкрикнул, взойдя, –
Пожалей, краса, себя.
Ты подумай о себе,
Я ли не жених тебе?!
Я богат, красив и строен.
Тебя разве не достоин?
За тебя сразу любого,

Молви, Дуня, только слово.
Сразу нынче под венец.
Я, Дуняша, не скупец.
Будешь в бархате ходить,
Будешь золото носить:
Бусы перстни и браслеты,
И не слушай ты наветы.
Зависть движет языки.
Языки на зло легки...
Тут Дуняша восклицает:
– Ах, моя душа страдает!!
Нету Феди-продавца,
Нету милого лица.
В сердце пусто без него...
Мне не надо никого.
А тем паче, перстней, злата
Я ведь им была богата.
Я ведь счастлива лишь с ним
С коробейником моим.
Пусть убит он, пусть в земле,
Но его душа во мне
И другой – там места нет,
Вот убийце мой ответ.

Усмехнулся сотник криво:
– Нет, так нет, сие не диво.
Понимаю я тебя,
Понимаю и себя...
Будет всякий насмехаться
И при мне за бусы браться,

Серьги трогая в ушах,
С чертовщинками в глазах.
Не достанься никому,
Коли ты верна ему.
Зря я только вопрошал...
И вонзил ей в грудь кинжал.
Дуня охнула, упала.
И, упавши, прошептала:
– Сокол!..сокол!.. ты прости.
Строго Дуню не суди...

Сотник тут дупло покинул,
Трубку из кармана вынул,
Он уверовал в везенье
И, конечно, нападенья
Сверху он не ожидал;
Зря лишь саблю обнажал.
Два могучие крыла;
Когти молодого льва;
Тень зависла над тропею;
Жалкий вскрик подобен вою;
Клич воинственный с груди;
Что там стало? С высоты,
Видно только пух кружит
Труп распластанный лежит;
Сокол весь в избытке сил,
Клюв на жертву наострил.
Здесь он царь, судья и воин;
Он отмститель и достоин
Уваженья и похвал.

Это место я знавал.

Сокол к девушке подходит
По лицу ей клювом водит,
Что-то тихо говорит,
А перо его дрожит.
Он по Дунюшке горюет,
Он по Дунюшке тоскует.
Ветер в небе поднялся,
Ветер в чащу подался
И завыл там в страшном горе
Будто дикий зверь в неволе.
Туча к лесу подошла,
Туча наземь прилегла.
Вот она сейчас вздохнёт,
Горе в землю изольёт,
Побегут ручьи в тоске,
К Волге-матушке реке
И поднимется волна
Тяжкой грустию полна,
И затопит берега
На лета и на века.
Сокол девушку берёт,
Сокол девушку несёт.
Вот тенисты берега,
Вот под ним уже река,
И внизу у пены вод
На волну её кладёт.
И парит на месте том,
День за днём

И день за днём.

– Ну, а птица, что же с ней?

Я скажу тебе о ней:

Сокол в небо поднялся;

Сокол грустью налился;

Не милы ему просторы,

Небо, голубые горы,

Волги бережный разлив,

Колыханье спелых нив.

Дуню птице не вернуть,

Лучше вечным сном заснуть.

Сложил крылья и стрелой,

Падать стал к земле родной,

Чтоб у чёрной той земли,

Вечный свой приют найти.

С той поры немало лет

Утекло. А божий свет

Помнит драму на горе,

Кто покоится в земле.

Люди песнь о том сложили

Новы гнёзда птицы свили,

Славу соколу поют.

Гору в честь него зовут,

«Соколовой» величают,

Все в народе её знают.

Прозревая же года,

Я скажу – любовь свята

И как будто бы во сне

Вижу памятник в горе –

Дуб из бронзы, величавый,
В нём проход в дупло немалый,
Дева у дупла стоит,
Устремлено вверх глядит.
На носочках, босы ноги,
С крутизны видны отроги,
В пальцах плат над головой,
Машет бронзовой рукой.
А на дубе в вышине
На коряжистом сучке
Сокол крылья размахнул,
Голову чуть-чуть пригнул.
С сука он готов сорваться,
Над обрывом распластаться,
В струях воздуха парить
И полётом славить жизнь.
Ветер бронзою шуршит
И листвой больших раки.
К древу юноши приходят,
С собой девушек приводят,
Чтоб судьбу предугадать
Иль желанье загадать.
Там стихи они читают,
Серебро в дупло бросают,
Под гитарный звон поют,
Своей жизнью все живут.
Может быть не так всё будет,
Как всё будет – жизнь рассудит.

Баллада о соколах

Я всё думал – «напишу»;
Не сложилось – так скажу;
Может частью неумело;
Вот как это было дело –
Майский вечер настаёт;
Бабка Вера коз пасёт,
И с пастушеской сумой
Правит их к себе домой.
Пейзаж этот здесь привычный.
Собеседник мой обычный –
Школьных лет один – малец,
Да его ещё отец;

Дед пришаркал, сел рядком
(С пустым мятым рукавом),
В тике дёргает ногою;
Отгоняет дым рукою;
Каждый день он здесь сидит
И медалями звенит:
За Одессу, за Варшаву,
Чуть повыше вижу «Славу»;
Рядом с «Славою» «Звезда»,
Ну, а дальше борода
Золотистый ряд скрывает,
Что под нею, я не знаю;
Ясно только – дед - герой
И совсем, увы, больной;
Слаб глазами, очки носит;
Если вдруг его кто спросит:
«Дед, тебе годок какой?»
То ответит: «Ще живой.
Год у нас у всех один,
Кто сражался за Берлин».
Мы к нему, мол, одолжи,
Про медали расскажи.
Вроде знаем мы тебя,
А за что медаль твоя?
Мы, того не разумеем;
Так лишь, попросту, глазеем.

Ждать себя дед не заставил;
В уголок костыль поставил;
Страхнул пепел с рукава;

И сказал: «Были́ дела-а...
Что под Пештом, что под Прагой,
Всё бралось большою дракой;
Бились танки, бились люди,
Плавились стволы орудий;
Самолёты в облаках
Разлетались в пух и прах;
И средь этой кутерьмы,
Были ведь не только мы...».
И осёкся, было видно,
Что ему, как будто стыдно,
Иль неловко за людей.
Что-то вспомнил видно в ней,
В той войне, что зрит ночами,
Что повисла за плечами
И чем дальше те года –
Всё отчётливей видна.

«Что ж, историй всяких много, –
Дед сказал, – война не ново,
Но, скажу я за друзей,
За животных, что на ней,
Не по их совсем вине
Оказались на войне».
Помолчал, собрался с духом, –
«Земля крылась даже пухом,
Ладно, уж страдали мы,
А причём же здесь они?
И скажу вам в разговоре,
Были и средь них герои.

Вам поведаю о птице,
Так тому было случиться,
Я на «Яке» здесь летал,
Мост железный охранял;
Потому, как не крути –
Мог он целый фронт спасти.
Те мосты, что ниже были,
Немцы начисто разбили,
А Саратовский – стоял;
Немец сильно лютовал.
Ведь, минуя все заслоны,
К фронту двигались вагоны,
А в них люди, танки, пушки;
То не детские игрушки.
По мосту на Сталинград
Их везли не на парад.

Дело, было, помню, летом,
Вот гляжу, перед рассветом
Командир в блиндаж идёт
И приказ нам отдаёт:
«Вылетать, как солнце встанет.
Только луч его достанет
Леса на большой горе –
Вы уже не на земле;
Над Саратовом кружите,
Мост от фрицев сторожите.
А тебе (знать мне), приказ:
«Ты у нас, Ванюша, АС,
Тут задание особо;

Только ты гляди брат в оба;
Без ведóмого пойдёшь.
Верю, что не пропадёшь.
Поднимись на высоту –
За предельную черту,
Чтобы враг те не заметил,
Ну а ты бы фрица встретил,
Что решит пройти тайком.
Почерк нам его знаком –
Прокрадётся тихой сапой
И когтистой стукнет лапой.
Жди его на высоте,
И высматривай везде.
В небе хоть оно не тесно,
Немец любит одно место:
Ориентира сразу два –
«Соколова гора»,
Крест над церковью, золотой;
Там столкнёшься с немчурой.
Немца, обнаружив, сбить,
И к мосту не подпустить».

Вот взлетел я; солнце низко,
Та гора – совсем уж близко;
Прорезаю облака;
Скрылась подо мной река;
Вот уж я над облаками,
Над воздушными снегами;
Захожу я от светила,
Чтобы видно лучше было;

Тут же замечаю точку,
Но не вижу оболочку,
Нет винта и фонаря,
То привиделось, знать зря;
Явно здесь не самолёт;
В небе кто-то же плывёт?
В точке сокола узнал;
Крылья в небе распластал;
Впереди меня кружит,
Будто небо сторожит.
Знаю, он – летун отменный
И отваги беспримерной;
Да, красив его полёт,
Только он не самолёт;
Не крепка с пера броня;
Знать, родимый, кружишь зря;
Улетел бы для порядку;
Попадёшь ведь в перепалку;
Хоть летун ты и хорош –
Ни за что ведь пропадёшь.
Вот появятся здесь фрицы,
И такое заварится!
Даже бес сам не поймёт...
Тут, гляжу я – самолёт...
Нет, не свой, чужой, оттуда;
Под своего косит Иуда;
Воздух рвёт, гребёт винтами;
Тут я соколу крылами
В знак опасности качнул,
Штурвал малость повернул;

Я ему, а он, брат, мне;
Попрощались в вышине,
В небе быстро разошлись,
Я на немца, а он ввысь.
И могу сказать сейчас,
Немец был из Асов АС,
Ну и я не так уж прост,
Чтоб железо поймать в хвост.
Он на горку
Я под горку,
«Мессер» вверх – я в отворот;
Не подставить, чтоб живот.
Пулемёты небо режут,
Мысли в голову всё лезут:
«Где же сокол, что там с ним?
Что с товарищем моим?
Вдруг, убили мою птицу?
Чтоб им было не родиться!», –
Только так подумал я;
Осмотрелся – мать моя!
Вот он рядом, клюв серпом;
Когти острые крючком;
Повторяет мой вираж
И идёт на абордаж.
Ай, да сокол, ай, да птица!
С толку сбил, похоже, фрица –
Немец бьёт по птице влёт;
Накреняет самолёт;
Перья в воздухе кружатся»
«Если драться, так уж драться.

Это небо не твоё –
Соколиное, моё;
Там, где кружат три пера –
Соколовая гора,
А на ней ориентир,
Дуб с гнездом стоит один,
Отражается в воде,
С соколицей на гнезде».
Ну а немец в этой схватке,
Про меня забыл порядком;
Нажимаю на гашет –
Порчу «мессеру» портрет.
Вижу фриц, того, дымит,
Но ещё во всю летит.
Он ведь тоже не сплошал –
Мне обшивку искромсал;
Самолёт не годен к драке –
Нет ни скорости, ни тяги,
Носом попросту клюёт;
Вот последний мой заход,
Разворот и доворот;
Друг за дружкою следим;
Нет патронов – в лоб летим;
Приближаемся друг к другу...
И тут сокол мой по кругу,
Тоже делает заход;
Разворот и доворот.
Ай, да сокол, ну и птица,
Снова думает сразиться,
Только вес совсем не тот;

Лобовая не пройдёт.
Немец мне в глаза глядит;
Зубы скалит, паразит;
Вижу – он не отвернёт;
Знать, последний наш заход,
А внизу ориентиры:
От фугасов в земле дыры,
С высоты совсем мала
Соколова гора.
И посыпались с небес:
«Як» в песок по хвост улез,
«Мессершмитт» горит в овраге;
Я за стропы – нету тяги;
Камнем падаю к земле;
Да случилось счастье мне –
Немца ниже парашют,
А не он – то – Божий суд.
Тут уж, брат, не до смотрин –
Парашют на двух один.
Изловчился я как мог –
Хвать фашиста за сапог.
«Мне разбиться!?! Много чести»
А на землю – пали вместе.
Немец драться, он силён;
Говорили, что барон,
А я с раненой рукой,
Да со сломанной ногой,
Должен фронт в тылу держать,
Ведь нельзя же отступить.
Встал, дерусь я головой;

Тычу раненой рукой;
«Всё, – подумал я, – конец,
Отлетался молодец»;
Немец стропы отсекает;
Сапогом меня сбивает;
Вынимает пистолет –
«Вот и смерть в расцвете лет».
«Руссишь, – говорит, – капут».
Только, что случилось тут –
Ни сказать, ни описать,
Ни на пальцах показать.
Я лежу и смерти жду;
В дуло чёрное гляжу;
Офицер пружину взводит;
В переносицу наводит;
В небо я глаза отвёл;
Точку чёрную нашёл;
Сокол в небе надо мной;
Улыбнулся я, – «Живой!»
Да, конечно, это птица,
Только вот куда стремится!?
Вырастая на глазах;
Я мигнул, и слышу – «АХ!».
Вижу – немец на земле;
Сокол на его спине;
Когти в теле, клюв в крови;
Я ему кричу: «Дави-и-и!!!»;
Сам от радости не свой,
Немца бью рукой больной
И в азарте, сгоряча,

Выбил руку из плеча;
Глядь, рука, того, весит;
Из предплечья кость торчит.
Но, а мне не до неё,
Вот что значит бытиё.

«Вспомнили б чего ещё?»,
Спросил школьник. – «В общем, всё;
Я сознание потерял,
В бреду «Сокол!» – всё кричал.
А очнулся, тут врачи:
Жгут, повязки, костыли.
Провалялся я немало?
Мне сестра тогда сказала:
«Он над госпиталем был;
Целый день над ним парил;
Не дождался, улетел;
Как бы, что сказать хотел?»

И тут лётчик для порядка,
Вдруг добавил: «То – загадка;
Птицы чувствуют подчас,
Что неведомо для нас;
А, гнездо – недалеко?
Я потом нашёл его –
Обожжённый дуб стоит;
Сокол на суку сидит,
А в гнезде там соколица –
Сильная большая птица,
Крылья, распутив лежит;

Тускло мёртвый глаз блестит;
Клюв агония свела;
Пуля мимо не прошла.
Я там долго тогда был;
Соколицу схоронил...
«Ну а сокол, он - то как!?» –
Мальчик за пустой рукав
Ветерана теревит
И в глаза ему глядит;
Будто по его вине,
Что он не был на войне
Там произошло такое...
«Сокол был, того не скрою, –
Тихо молвил ветеран, –
Не спеши, скажу, пацан. –
Сокол надо мной сидит,
На могилку ту глядит;
С дуба он не улетает;
Птица, птица, а ведь знает,
Что ему солдат не враг;
Говорю: «Спасибо, брат»,
Сам израненной рукой,
Глажу дуб мне дорогой;
Ствол избит очередями;
Слёзы катятся, брат, сами;
Достаю я вещмешок –
С соколом делю паёк
И веду беседу с ним,
С моим номером вторым.
Вот он милый, незнакомый,

А в бою том был ведомый,
Аса вовремя накрыл,
А не он – так я б не жил.
Сам, конечно, пострадал,
Соколицу потерял...
И дивилися бойцы –
«Птицы, птицы, а свои...
Понимают что к чему».
До сих пор я не пойму: –
«Как, откуда он взялся?
В высь такую поднялся;
Куда птицы не взлетают,
Гнёзд и самок не бросают,
Что случилось тогда с ним,
С моим номером вторым?
Появился ниоткуда,
На войне поверишь в чудо...»

«Да какая в этом тайность,
Так – военная случайность. –
Молвил тут мальчика отец, –
Рассердился соколец –
На мотор подумал – «птица».
Так чему же здесь дивиться?
Или сказка – так сказать,
Если людям рассказать».

После слов тех – лётчик сник,
И закашлялся старик...
– «Знать, не верите солдату,

А я сокола как брата
Навещаю каждый год,
И он вроде тоже ждёт.
Старый стал, летает плохо;
Время-то оно жестоко;
Посидим и помолчим;
В небо оба поглядим;
Вспомним бой: мотор ревёт;
Парашют к земле плывёт;
Перьев выдран с птицы клок;
Я держусь за тот сапог;
А внизу ориентиры:
Церковь, мост, гора, могилы.
А для сокола ещё –
Дуб и на суку гнездо.

Мы остались, он ушёл;
Больше лётчик не пришёл;
И с тех пор уж не сидит,
Орденами не звенит,
Только бабка коз пасёт;
Не пуская в огород.

Видел я на месте том,
Точку в небе голубом;
В точке – сокола узнал,
По полёту угадал.
Тот ли?... нет ли? –
Как мне знать?

Лишь могу предполагать.
Я присел, и вдруг шаги,
Мальчик рядом, с под руки
В небо, как и я, глядит;
И губами шевелит.
Я ему мешать не стал.
А, что знаю – рассказал.

Былина
о сказочных богатырях русских
Скудельнике, Дубравнике и Соломенщике

Как на славной земле на Саратовской
Да в деревне Малая Крюковка,
Что стоит средь лесов высоких,
Что стоит средь оврагов глубоких.
Что стоит средь полей широких.
Лежит на печи славный русский богатырь.
Таких богатырей земля на себе не носила,
Таких богатырей земля на Руси не рождала.
Подвигов его ратных не считано,
Силушки в нём не меряно.
Потянется богатырь, так трубу своротит,
Шевельнёт плечом, так простенок отодвинет,

Обопрётся на локоть, так печка трещит.
И зовут этого богатыря Скудельником.
Спит на печи богатырь, почивает,
Никому жить-поживать не мешает.
Сороки его дом облетают,
Галки на крышу не садятся,
Потому, как храпа Скудельника страшатся.
А храпит Скудельник, так крыша шатается,
А храпит Скудельник, так печная труба качается.
И никто Скудельника разбудить не может.
Не могут разбудить, да и нужды нет.
Потому спит богатырь до времени,
Спит богатырь до часа богатырского.

Стоит же деревенька богатыря
Средь полей, лесов.
А в тех лесах древо-дуб растёт,
А по тем оврагам ручей течёт.
Выходит ручей из берегов крутых,
Из берегов крутых да суглинистых.
Из суглинистых да с камнями.
И впадают ручьи в речки малые.
Один ручей впадает в Большой Колышлей,
Другой впадает в Малый Колышлей.
А как третий овраг – он врагам всем враг.
У оврага берега крутые, глинистые,
А глина та особая, игрушечная.
А цветом та глина бело-серая,
На ощупь она мягкая, ласковая.
Из неё-то и слепил чудо-богатыря

Деревенский мужичёк-простачёк.
И обжѐг в печи краснокаменной.
А потому богатырь ни огня не боится,
А потому богатырь ни меча не страшится.
Сделал его мужичёк-простачёк,
Чтоб чудо-богатырь леса мужицкие охранял,
Чтоб чудо-богатырь поля мужицкие охранял,
Чтоб чудо-богатырь деревни охранял,
Да деток мужицких на ум-разум наставлял.
Жил Скудельник в деревне припеваючи.
Дети его любили, мужички боготворили.
Потому, как он исправно своё дело делал,
Когда на печи не спал.
Тогда чужой человек к деревне подойти не мог
Не только с пикой, но и с топором да и с вилами,
Ребятишки росли в деревне ласковые,
Ласковые и покладистые.
Старших они уважали, родителей любили.
И всё бы хорошо,
Только с некоторой поры заснул богатырь,
А проснуться никак не может.
Веки ему мужики поднимали,
Холодной водой его обливали,
В дому зимой двери открывали, вымораживали,
Только спит богатырь не просыпается,
Сном богатырским наслаждается.

А та деревня Малая Крюковка,
Не одна стоит одинёшенька.
Вокруг неё всё деревни стоят

И живут в тех деревнях чудо - богатыри.
А в одной деревне живёт Дубравник,
А в другой деревне – Соломенщик.
Богатыри они удалые,
Скудельнику по духу братья родные.
Никого они на свете не страшатся,
Кони их никого не пугаются,
Мечи их никогда не тупятся.
А потому они не страшатся,
А потому их кони никого не пугаются,
Что стоят они на родной земле.
Родная земля им силу даёт,
Родная земля их храбростью насыщает.
А Дубравник – то лесной богатырь.
Произвела его дубрава тенистая,
И местность лесистая.
И силу дали ему дубы крепкие,
Дубы крепкие, неохватные.
Из тех дубов мужичок - простачёк,
Вырезал ножом чудо - богатыря,
Чудо-богатыря – Дубравника,
Чтоб покой охранял,
Свою землю защищал.
А Соломенщик, это брат его.
Не по крови брат, по призванию,
По призванию, единомыслию.
А сделан он из спелой ржи.
А ветрами ему силы дадены.
Силы крепкие, неослабные.
Главный же из богатырей, а их старший брат,

Что на печи лежит, богатырским храпом храпит.
И всё - то в деревнях ладно –
Мужики в поле работают,
Бабы по дому управляются,
А богатыри деревни охраняют,
Да детушек малых воспитывают,
Детушек воспитывают, пример показывают.
И всё так годами делалось,
Пока не пришёл в те деревни коробейник.
Коробейник по деревням с коробом ходит,
Кофты и платки показывает,
Про заморскую жизнь рассказывает,
Заморскую жизнь похваливает,
Заморскую жизнь приукрашивает,
Продаёт, не дорожит, бабам выгоду сулит.
Бабы кофты одели, бабы платки повязали,
Просят коробейника малых детушек побаловать,
Стариков и старух уважить,
Мужичков чем-нибудь ублажить.
А коробейник - то знать старается:
Стариков и старух уважил,
Мужичков картузами ублажил,
Да и деток-малолеток не забыл.
Тряхнул коробом коробейник -
Посыпались из него игрушки да сладости,
Игрушки чудные, невиданные,
Игрушки чудные, неизвестные.
Ни на что в деревне не похожие.
И ни с чем в деревне несравнимые.
Коробейник одних называет батуганами,

Других он кличет грантформерами.
У одних игрушек зубы торчат,
Другие игрушки одним глазом глядят,
Третьи игрушки - просто страшно сказать,
Страшно сказать, да и слов не подобрать.
Те игрушки все свирепые,
Те игрушки все надменные.
Жители сначала ужаснулись,
Про свои игрушки заикнулись.
Может мужички бы всполошились,
Может быть бабы бы надоумились?
Если бы не мужичок-сквознячок,
Телом сморчок, в работе слабачёк.
Он стал коробейнику помогать,
В батуганах себе выгоду искать.
Он батуганов похваливает,
Он жителям подсказывает:
– Ой, вы бабы, бабы деревенские,
С ухватом обрученные, вожжами наученные.
Где вам знать-понимать
И о бóльшем размышлять.
Привыкли вы в своём медвежьем углу
Детишек соломой да деревяшками забавлять.
Чему они от той соломы научатся?
И как они той деревяшкой воспитаются?
А богатыри наши самородные,
Только богатырями называются.
Нет в них ни форсу, ни стати,
Только и могут пиками землю ковырять.
У коробейника игрушки просвещённые,

Просвещённые игрушки, золочёные.
Из особых материалов сделанные,
Особой краской крашенные.
Игрушки самодвижные,
Игрушки самодумные.
Такого мы никогда не видывали,
О таком мы никогда не слыхивали...
Так мужики тех речей устыдились,
А бабы от тех речей прослезились,
Старики диву дались.
На особинку лишь один мужичёк-простачёк.
Ходит он на диковинки поглядывает,
На свой аршин их примеривает.
Малые же детушки в те игрушки играют,
Бабы деревенские коробейника хвалят,
А до богатырей своих им и дела нет.
Соломенщик стал от безделья подпревать,
Дубравник стал от лежанья подгнивать,
А Скудельник на печи похрапывает,
Сто первый сон досматривает.
И нимало не тревожится.
А тревожится лишь один мужичёк-простачёк,
Что чудо-богатырей сделал,
Что Скудельника из глины вылепил,
Что Дубравика из дуба вырезал,
Что Соломенщика из соломы сплёл.
А тревожится он не потому,
Что детки в богатырей не играют,
И не потому, что детки скучают.
Видит мужичёк-простачёк,

Что игрушки заморские расплодились,
Видит мужичёк-простачёк,
Что игрушки заморские утучнились.
Видит мужичёк-простачёк,
Что они из подчинения вышли –
Им слово – они насмеваются,
Второе слово – так дразнятся,
Третье слово – так с кулаками лезут.
И никто не может с ними сладить.
Заморские игрушки деток
Уму - разуму не учат,
А только всех задирают,
Да только всех оскорбляют,
А детки все их повадки перенимают.
От игрушек тех, так прохода нет.
А самый главный батуган
Над мужичком-простачком подшучивает,
Он над ним подшучивает, да его поддразнивает,
Да над богатырями русскими подсмеивается,
Он Дубравника гнилушкой называет,
А Соломенщику прелостью пиняет.
Смотрит мужичёк-простачёк, что плохи дела –
Батуганы деревни полонили,
Обманом и хитростью захватили,
А мужикам это на ум нейдёт.
Коробейник же всё новые игрушки несёт,
Мужичок-сквознячок их в деревнях продаёт.

Стал мужичёк-простачёк в колокол бить
Стал мужичёк-простачёк богатырей тормошить,

Стал их в латы рядить,
Да на войну с иноземщиной посылать:
– Вы пойдите, богатыри русские,
Богатыри русские, богатыри сказочные.
А вы побейте батугановы полки,
А вы побейте грантформерские полки,
Что землю русскую полонили,
Что народ наш закабалили.
Сила эта лукавством в деревни вошла,
Сила эта людям урон нанесла.
Мужички свои поля не пашут,
Мужички свои поля не сеют,
Нивы все травой заросли,
А скотину они всю повывели,
Детушки воспитываются не по правде и совести,
А воспитываются по силе и бойкости...

Богатыри в чисто поле выезжают,
В чисто поле выезжают, недоумевают –
В чистом поле рати вражеской не видят,
Храпа коней чужих не слышат.
В чистом поле богатыри палицами помахивают,
Мечами богатырскими позванивают.
Только никто с ними сражаться не выходит,
Только никто с ними меряться силами не идёт.
Стали они кричать, зычными голосами позывать:
– Гей, вы батуганы криволапые,
Гей, вы грантформеры поганые!!!
Выходите в чистое поле силою меряться,
Силою меряться, с нами богатырями биться!!!

Но никто в чистое поле не идёт,
Никто на голос не откликается.
Снова кричат Друбравник с Соломенщиком,
И снова тишина в ответ.
Третий раз кричат богатыри русские,
И вдруг слышат в ответ таковы слова,
Таковы слова батугановы:
– И чего вы в поле раскричалися,
А зачем нам с вами сражаться?
Мы деревни ваши и так полонили,
Мы жителей деревень ублажили.
Кроме наших речей,
Они никаких не слышат;
Кроме наших зрелищ,
Они никаких не видят,
И теперь в сладости поживаем,
Вина медовые попиваем.
А мужичок-сквознячок им вторит:
– Что вы, богатыри, расходились!
Или вина медового напился!
Живите себе скромнѣхонько,
Живите себе тихохонько...
Вас ли богатырей притесняют?
Вам ли богатырям жить не дают?

Тут богатыри русские возмутились,
Тут они в речах расходились:
– Ах, вы батуганы криволапые!!!
Страшилища, вы чудища!!!
Ах, ты мужичёк-смоглячѣк,

Сума перемётная, с виду доброхотная!!!
Мы с домов вас повыковырнем,
И на улицу повыкинем,
Не дадим вам народ смущать,
Не дадим вам малых детушек,
На ваш ум-разум наставлять!!! –

Испугались батуганы заморские,
Не хочется им из деревень уходить,
Не хочется им обжитые дома оставлять,
А хочется им даровой хлеб есть,
А хочется им вино медовое пить,
А хочется им мужикам небылицы говорить,
И от правды-истины уводить,
Чтоб мужики правды не знали,
Чтоб мужики правды не искали.
Порешили батуганы из деревень не уходить,
Мужиков, как и прежде, от правды уводить,
Малых детушек по-своему назидать.
А ещё, решили они богатырей побить,
Чтоб некому было в поле выходить,
И их – батуганов и грантформеров воевать.
Батуганы окна открывают,
Батуганы богатырям отвечают:
– Чтоб больше вы нам не кричали,
Чтоб нам – батуганам не надоедали.
Чтоб нам спокойно жить не мешали!..
Мы на брань с вами выйдем,
Мы Соломенщика по полю развеем,
Мы Дубравника в щепки разнесём!!!

Мы мужичка-простачка в темницу посадим,
В темницу посадим, на засов закроем,
Чтоб знал, как богатырей в поле выводить,
Чтоб знал, как на нас хулу возводить...
А про Скудельника они ничего не знали,
А о Скудельнике они ничего не ведали,
Потому как спит богатырь, не просыпается,
На печи деревенской поваливается.
И вышли батуганы и грантформеры
В чисто поле.
На них кольчуги железные,
У них мечи закалённые,
У них ножи заострённые,
А на голове шеломы стальные.
Впереди идёт самый главный батуган.
Шеломом стальным поблёскивает,
Доспехами позванивает,
А в руках огнемёт многоструйный,
Многоструйный огнемёт современнойший.
А тем батуганам и грантформерам нет числа.

Надвигаются на богатырей силы несметные,
Силы тёмные, силы страшные
И скрестились мечи острые,
И сшиблись кони резвые.
И зазвенели щиты цельнокованные.
И потекла кровь на землю алая.
Вот Большой Колышлей кровью обогрился,
Вот Малый Колышлей кровью умылся.
Бьются богатыри, богатыри русские,

Бьются не за страх, а за совесть.
И падают батуганы от их мечей
Мечей обоюдоострых, твердосплавных.
И бьются русские богатыри
Не за одну деревню Малую Крюковку,
А бьются за все селенья русские,
С городами и сёлами,
Пригородами и посёлками.
Вот уж Вершинный овраг батуганами завален,
Вот уж Ущельный овраг
Грантформерами заполнен.
А врагов всё не убавляется,
А врагов всё прибавляется.
Устали богатыри мечами рубить,
Устали богатыри врагов крушить.
И не могут они врага одолеть.
Да и сами уже пиками исколоты,
Да и сами уже мечами изранены.
И течёт из тех ран богатырских,
Кровь великая, кровь праведная,
За свою землю проливаемая.
И вот, когда сил почти не осталось,
А ран у богатырей поприбавилось,
Говорят они мужичку-простачку:
Так пойдь, мужичёк-простачёк,
Пойди в ту деревню Малую Крюковку,
Разбуди старшего богатыря святорусского.
Скажи, что мы в битве изнемогаем,
Скажи, что мы силы теряем,
А врагов наших не убавляется,

А врагов наших всё прибавляется.
Пошёл мужичёк-простачёк в деревню,
Стал будить он Скудельника, приговаривать:
Ой, проснись ты Скудельник, просыпайся,
В доспехи боевые одевайся.
Два твоих брата, брата названных,
Ни по крови брата – по призванию,
По призванию, да единомыслию,
В поле широком сражаются,
Кровью своей умываются,
Но не могут одолеть силы тёмной,
Силы хитрой, силы обманчивой.
Сила эта лукавством в деревню вошла,
Сила эта людям урон нанесла.
Мужички свои поля не пашут,
Мужички свои поля не сеют,
Нивы все травой заросли,
А скотину они всю повывели,
Детушки воспитываются не по правде и совести,
А воспитываются по силе и бойкости.
А ты встань, русский богатырь,
Защити свою сторонущу...
Только не хочет Скудельник вставать,
Не хочет Скудельник доспехи одевать.
Во второй раз просит мужичёк-простачёк:
А ты встань-повстань, великий богатырь,
Защити дубравы дремучие,
А в дубравах дубы могучие...
– А на то Дубравник есть, – отвечает богатырь.
– А защити луга с полями, – просит мужичёк

И слышит в ответ:
– А на то Соломенщик есть.
В третий раз обращается мужичёк-простачёк:
– А пойдн, богатырь, защитн правду русскую,
На чём свет стоит, на чём мир держнтся!
Тут Скудельннк просыпается,
Тут Скудельннк поднимается.
Повернулся Скудельннк – простенок упал,
Опёрся Скудельннк – печь развалилась,
А вышел в дверь Скудельннк,
Так косякн на плечах вынес.
А у Скудельннка кудрн буйные,
А у Скудельннка мышцы крепкне
И сам Скудельннк – есть сама земля,
Земля русская, богом даденная.
И вступил в битву Скудельннк,
В битву трудную, в битву жаркую.
А как увидели Дубравннк и Соломенщик,
Что им подмога пришла,
Так и силы у ннх прибавнлись,
Так храбрость ннх приумножнлась.
И вот дрогнули полкн грантформерскне,
А за ннми и полкн батуганскне.
Вндет это самый главный батуган,
Берёт он в руки огнемёт многоструннный,
Многоструннный огнемёт, современнейшнй,
Да и начал богатырей огнём палнть.
Вот он Соломенщнка подпалнтл,
А вот и Дубравннка дымом объял.
Говорнт богатырям Скудельннк таковы слова:

– А вы, братья мои, славные богатыри,
Встаньте сзади меня, чтоб вас огонь не брал,
Прикройте мне спину от ворогов.
От ворогов супротивников.
А побью я главного батугана,
А в батугане этом изначальное зло.
А потому в нём силы неистребимые,
Силы чёрные и несправедливые.
Этого батугана палица не берёт?
Этого батугана меч не сечёт?
Одним мечём его не побити,
Одним копьём его не сокрушить.
А побьём его не одним мечём,
А побьём его и православным крестом.
А без божьей помощи нам не справиться,
И врагов Руси не рассеять,
И деревень наших не освободити.
А попрошу я Богородицу – заступницу,
О деле праведном, освободительном.
И стал себя богатырь крестом осенять,
И стал он мечём помахивать,
Стал он Бога и Богородицу просить,
Чтоб главного батугана поразить.
А как стал Скудельник крест класть –
Исказилось лицо главного батугана,
Пуще прежнего он стал огнём палить.
А не берёт глиняного богатыря огонь,
Он от этого огня, огня огнемётного,
Да становится крепче крепкого.
Тут взмахнул мечём Скудельник-богатырь,

От взмаха того ветер поднялся,
От взмаха того свист раздался,
К сырой земле дубы наклонились,
Воды в реках остановились.
И пришёлся удар Батугану ниже головы,
И пришёлся удар да выше плеч,
И отсёк Скудельник батугану голову свирепую,
И отсёк ему голову безобразную.
И упала голова, покатилая,
Кровью чёрною обагрилася.
Схватил батуган свою голову,
Стал он её на место приставляти,
Стал он её на место прикрепляти.
А не может он её приставити,
А не может он её прикрепитьити.
Тут поднял Скудельник огнемёт вражий,
Огнемёт вражий, батуганом брошенный,
Да стал он батуганят палить,
Да стал их с родной земли прогонять.
И побежали батуганы с русской земли,
А побежали батуганы в земли свои.
А самый главный батуган бежит, подпрыгивает,
А ногою бежит подрыгивает,
А он голову под мышкой несёт,
А голова та богатырям проклятья шлёт.
У той головы рот открывается,
Изо рта того брань изрыгается.
А вместе с ними бежит мужичок-сквознячок.
А вслед им смеётся мужичёк-простачёк.
Хотели батуганы в домах остановиться,

Хотели они в домах спрятаться,
А мужички калитки заперли,
А мужички окна закрыли
И некуда батуганам деться,
И негде им укрыться.
И побили богатыри нечисть поганую,
И побили богатыри нечисть несуразную.

Вот былине сей, подошёл конец,
А хороший конец, всегда делу венец.
А в тех деревнях богатырям славу поют,
А в тех деревнях люди бога чтут.

Вы простите меня, люди русские,
Люди русские православные.
Что не так сказал – не по умыслу,
Наперёд сказал, то по домыслу.

Ну, а вместе нас –
Так уж бог простит.
Так уж бог простит,
На том Русь стоит.

Сказание об Увекe

1

Здравствуй! Здравствуй, мой читатель!
Мой задумчивый искатель,
Здравствуй, юный гражданин!
Что ж, давай поговорим,
Побеседуем с тобой,
О стране своей родной.
О родимой стороне,
Непростой её судьбе,
Или промысле о ней.

Здесь уж как кому милей
Жизнь вокруг воспринимать,
Но историю, брат, знать
Надо, корень жизни в ней,
А не в моде наших дней.

Много-много лет назад;
О чём записи молчат.
Жил - был город на реке.
Не в далёком далеке,
Ни в Италии чужой,
А вот здесь, в степи родной.
Мы о том не говорим,
И довольствуясь чужим
Их историю, скажу,
Знаем лучше, чем свою.
Это надобно исправить
И своё не ниже ставить,
Чем заморское. У нас
Много лучше. Без прикрас
Я об этом расскажу,
Расскажу и покажу.
В том задачу вижу я,
Чтоб кирпичики найдя,
От забытого строенья,
(Нам сегодня в поученье)
Снова в дело применить
И тем память оживить.
Может быть, не говорить?
Ведь забыли и забыть?

Но наш предок жил, он строил,
Он любил и он достоин,
Чтобы помнили о нём.
Ну, хотя бы мы вдвоём –
Я, да ты – молодой читатель,
Мой задумчивый искатель,
Знающий на всё ответ,
Исколесивший Интернет.

2

Если град Саратов есть,
Дома можно перечсть,
Города того уж нет,
Вот истории секрет.
Город звали тот «Увек»,
На наречье том «Укек»⁵³.
Вместо города давно,
Лишь посёлок домов в сто.
А назад, так лет шестьсот,
Было всё наоборот.
Даже раньше, я скажу.
Я историй не сужу,
Но задолго до Укека,
Может быть на два, три века
Здесь посёлок уже был,
Волжский люд в нём справно жил.

---

⁵³ *Укек* – Город Золотой Орды. Находился на территории Заводского района г. Саратова.

Назывался он «Увек»,
Так-то, милый человек.
Почему «Увек» назвали?
Потому что место звали
Так на волжском берегу.
И наверно не солгу,
Если в древность загляну,
И всё точно опишу.
– Место было непростое,
Рыболовное такое,
Здесь клевали караси,
Попадалися язи,
Стерлядь воду здесь чертила,
Щука окуней ловила.
У прибрежных самых вод,
Где пескарь один живёт,
Тень была от древ высоких,
В омутах, на дне, глубоких
Жили жирные сомы,
Было место для плотвы.
По обоим берегам,
Их ещё не видел хан,
Деревя к реке нагнулись,
Как ресницы изогнулись.
Веки длинные каймой,
Нависали над рекой.
Лодки ставили у *век*,
У наплывов, значит, тех,
Сильно уж напоминали
Они *веки*, а глазами,

Была чудная река.
Фантазёрство рыбака
Применили и к селенью,
(Здесь достаточно мгновенью)
Что взросло на берегу.
Я вот так о том сужу.
Лодки ставили – у *век*,
А посёлок стал *Увек*.
Буква к слову приросла,
Вот и все, сказать, дела.
Ну а дальше прошли годы
На тот берег пришли монголы
Основали здесь улус,
Где рыбачил древний росс.
Мест названий не меняли,
Лишь по-своему чуть звали,
Потому и стал *Укек*
Из обычного «*Увек*».

Есть же версия иная
И не менее простая –
Град назвали по горе,
А точней – по «Каланче»,
У *Увека* что стоит,
На простор реки глядит,
Так, ту гору называют,
И названьем величают.
С древнетюргского «*Увек*»
Переводится в наш век –
«Башня» или «каланча».

Вот и весь ответ. С плеча
Мы не будем здесь рубить
И историю крушить,
Предпочтя одно их двух.
Ублажим же всякий слух.

От других град отличался
Тем, что он обосновался
Не на ровной здесь земле,
А на склоне, на горе.
Когда все града Златой,
В любой местности иной,
На равнине возводили.
Там овраги тоже были,
Но, не горы, и, не склон.
Может прихоть? Или сон
Хану попросту приснился?
Чудным светом озарился
Он в видении своём,
А услужливый найон
Тут же город заложил
Где лишь ворон один жил?
Левый берег ровный, низкий,
Для Орды такой же близкий,
Строй хоть десять городов,
Только бойкий острослов
Не добавит к сему слов.

Вот загадка, так загадка.
Рядом не лежит отгадка.

Ведь не свойственно Орде
Дома строить на горе.
Иль на склоне этих гор.
Дом ведь это не шатёр,
Что легко, собрать, убрать
И ни мало не страдать.

Есть загадка и другая.
Тоже, скажем, не простая.
Если города Орды⁵⁴
Не имели рвы, валы
Стен и башен пред собой –
Город был Укек другой.
Город этот вал венчал,
От набегов ограждал.
Ров глубокий не пройти
И везде не перейти,
Только там где есть проход.
Ров - надёжности оплот.
И, возможно, башни были,
Что спокойствие хранили.
Только как про то узнать?
Если землю не копать.

Сколько рву в Укеке лет?
Кто построил? Дать ответ
Вряд ли кто сейчас решится.

---

⁵⁴ *Золотая Орда* — средневековое государство в Евразии. В период с 1224 года по 1266 год находилось в составе Монгольской империи.

Но нельзя не согласиться
С тем, что в древние года
Была в этом рве нужда.
Кто построил грек иль росс?
Это даже не вопрос.
Значит люди, что тут жили
Не совсем ордынцы были.
А, когда Златой не стало –
В граде неуютно стало.
Орды дикие ходили,
Много бед они чинили,
И нужны были валы,
А при них, конечно, рвы,
Чтоб давать врагу отпор,
Выставляя в них дозор.

Моё мнение иное,
Тоже, скажем, не простое –
Вал всегда там и бывал.
Он посёлок защищал.
Ещё, скажем, до Орды,
Это помыслы мои.
Кто ж в посёлке этом жил,
Рыбу на реке ловил,
Или делал что ещё?
Трудно нам сказать про всё.
Жили в нём: мордва, татары,
Греки, русские, аланы
Печенеги, кипчаки,
Хорезмийские купцы.

Были камские булгары
Угры жили и хазары
Что в Саратове у нас,
Наблюдаем и сейчас,
Лишь названия иные,
А не средневековые.
Так, посёлок они свой,
Обнесли тогда стеной,
Бишь, тем валом, что смогли
Они сделать из земли.
А когда Орда пришла,
Она вал тот не снесла.
Он Орде не нужен был,
Потому что град хранил
Ни какой-то простой вал,
А ордынский Чингис-хан.
Его воля в том была,
Чтоб ордынцев города
Пришлый люд не воевал
И своё бы место знал.

Ясно – всё это догадки.
Где догадки, где доглядки.
Ты подумай, разберись,
На науку обопрись,
В «Яндексе» поставь «Орда»
И страница, не одна,
Встанет враз перед тобой
И откроется иной
Мир. И средний век туманный,

Скажем прямо – не гуманный,
Встанет в профиль и анфас.
Ты ж, читая, без прикрас
Древний мир воспринимай,
Чаще разуму внимай.
Лучше в тексты ты гляди,
В светлы ризы не ряди
Ни правителей, ни ханов –
Власти истинных гурманов,
Ни каких иных господ.
В государстве жил народ,
Лучше ты ему внимай,
Что он сделал – познавай.
А, познав, ты дашь ответ,
Почему чрез сотни лет
Мало изменился мир.
Тот же у людей кумир,
Те же страсти обитают,
Так же денежки считают,
Так же войны все ведут,
Так же богатеет плут
Ни на поприще любви,
А на краже и крови.

Ты, дружок, стихи читай,
Варианты изучай.
Так ли было или нет?
Может собственный ответ
Дашь на то, что я сказал
И как мог здесь описал?

Иль другой путь изберёшь –
На Увек билет возьмёшь,
Будешь землю там копать,
Град старинный изучать,
Открывать земли слои
И с Кубанкиным Д.И.
Письма древние найдёшь,
Древнетюркский разберёшь
И узнаешь про Увек,
Что не знает человек.

3

А теперь, приятель мой,
Ты да я, да мы с тобой,
Посетим тот средний век,
А точнее – град Увек.
И посмотрим на народ,
Что в том городе живёт.
Посетим дома большие
И мечети голубые,
Мавзолеи, медресе.
Побывав на «Каланче»,
Город сверху поглядим
На проспекте постоим.
Если был тогда проспект?
Может – был? А может – нет?
Посетим же не буквально,
А, конечно, виртуально.
Виртуально и уйдём,

Когда град сей обойдём,
Посмотревши на него,
Будто побывав в кино.
Ты готов? И видим мы
Город Золотой Орды.–
Град на берегу стоит,
В небо минарет⁵⁵ глядит.
Город дивный, город славный,
Дом в нём высится «чеканный»,
В нём для Золотой Орды
Монеты делают рабы.
Пулы⁵⁶ медные чеканят –
На кругляшках метки ставят,
На дирхемы⁵⁷ счёт ведут,
И отчёт о том дают:
Сколько сделано деньги⁵⁸?
И презренно кузнецы
На свой труд в мешках взирают
В медный таз алтын⁵⁹ бросают –
Экономики ключи,
С краткой надписью – «Джучи⁶⁰»
И названием «Укек»,
Так-то милый человек.

---

⁵⁵ *Минарет* – в архитектуре ислама башня. Ставится рядом с мечетью. С неё муэдзин призывает верующих на молитву.

⁵⁶ *Пул* – медная монета ханов Золотой Орды в 13-15 в.в.

⁵⁷ *Дирхем* – Серебряная монета Золотой орды.

⁵⁸ *Деньга* (денга), происходит от монгольского слова *tengah* – мелкая серебряная монета и вообще монета.

⁵⁹ *Алтын* – мелкая монета.

⁶⁰ Старший сын Чингизхана.

Чтоб в науках не отстать,
И Коран уметь читать,
Детей учат в медресе.
Медресе же во дворце.
Медресе – такая школа,
Грамота в Орде – основа.
В граде том науку чтят,
Книги бережно хранят.
В них история Орды,
В книгах своды и суды.
Византийские из кожи,
Есть древнее и моложе.
Греческий библейский текст
Здесь живёт уж много лет.
Фолиант⁶¹ стоит Корана –
Книга главная ислама,
Поэтический трактат,⁶²
Медицинский постулат⁶³,
Битик⁶⁴ ханский из Сарая⁶⁵,
И решенье курултая⁶⁶,
Свитком на плите лежит,
В нём лощёный шёлк хранит
Дум татарских устремленье,

---

⁶¹ *Фолиант* – издание большого формата.

⁶² *Трактат* – (от лат. tractatus - рассмотрение) научное сочинение.

⁶³ *Постулат* – (от лат. Postulatum) — требование.

⁶⁴ *Битик* – письмо.

⁶⁵ *Сарай* – столица Золотой Орды.

⁶⁶ *Курултай* – общее собрание у некоторых монгольских и тюркских народов.

С ними времени течение.
Иль письмо на бересте,
(Сохранился в туюске),
И сейчас для нас с тобой,
Есть свидетель дорогой,
Чтоб мы знали, что тогда,
Когда здесь была Орда,
Люди грамотными были,
Топор в супе не варили,
И по нациям людей,
Не делили. Как свиней
По породам часто делят.
И за то лишь в стаде ценят –
Сколько жирный самохвал
Подбородков нагулял?
«Чтоб не стыдно было жить,
Надобно Орде служить». –
Вот он нравственный закон,
Тех народов, тех времён.
Где здесь варварство? Скажи!
А не знаешь, не суди.
Да в Орде законы были,
И заветы в ней хранили.
Чингисхана⁶⁷ был завет –
Завоёвывая свет,
Вер чужих не притеснять,
И церковей не разрушать.

---

⁶⁷ Чингизхан (Тэмучжин) – основатель и первый великий хан Монгольской империи.

Он, то варварством считал.
Умирая, наказал –
Свято помнить тот наказ.
Это, друг мой, и про нас.
И про наш последний век,
Поклонись же человек,
Этой мудрости простой,
Из Монголии взятой.
Вот он древний человек –
Учит наш с тобою век.
Мы с тобой про то читаем,
Хотя в космосе летаем,
Часть природы покорили,
А простой наказ забыли.

Но не все законы чтимы
И людьми боготворимы.
Был наказ ещё иной,
Скажем попросту – плохой:
«Города, что не сдаются,
И в боях с ордой не гнутся
Их, как есть, уничтожать,
Даже пленников не брать».
Города уничтожали,
В полон жителей не брали,
Всех, детей и стариков
Ожидал могильный ров.
И такие страхи были –
Что живъём в чанах варили,
Чтобы разум страх отнял,

Кто всё это повидал.
Русь ведь тоже полонили,
Кто не сдался – тех убили,
Города сожгли дотла,
Чтоб и травка не росла.
Так что книжечку читай,
А про то не забывай.
Исчислять я зло не буду,
Зло, конечно же, не чудо.
Чудо – град большой стоял,
Деньги медные ковал,
Продавал, менял, стозвонил,
Скакунов в конюшнях холил,
Книжки умные читал,
Свадьбы пышные играл,
Отливал, ковал, дубил,
Лодки у воды смолил,
Принимал послов и строил,
В общем, город сей достоин,
Чтобы знали мы его
В общем, больше ничего.

4

Вот, смотри – ворота в град,
Караульщики стоят,
Дальше – улица прямая,
И по ней идёт виляя,
Пёс, с коротеньким хвостом,
С недоеденным мослом;

Кот, свежатинку любя,
Караулит воробья;
Вон на улицу трусцой,
Выезжает верховой;
Арбу тянет сильный вол,
А на арбе той шатёр,
Женщин несколько гурьбой
Вниз идут по мостовой...
Видеть это интересно?
И, конечно же, полезно.

Жаль, Укека больше нет
И его библиотек.
Мы мудрее явно б стали,
Если б свитки прочитали.
Лучше б знали мы сейчас,
Чем же жил улус⁶⁸ до нас.
Но не всё истёрло время,
Там в земле сокрыто семя,
Знаний важных про Укек,
Про его далёкий век.
Землю в месте том копают
И лопатой добывают
То пиалу, то кувшин,
И быть может балдахин⁶⁹.
Ложки гребни и посуда,

---

⁶⁸ Улус – родо-племенное объединение с определенной территорией, подвластное хану или вождю у народов Центральной и Ср. Азии и др.

⁶⁹ Балдахин – означает в архитектуре матерчатый, каменный, деревянный или металлический навес на четырех столбиках.

Для учёных это чудо
И свидетельство тому,
Кто здесь жил и почему?
Так узнали с вами мы,
По фрагменту от трубы –
Град имел водопровод,
Стеклодувный был завод,
Если можно так назвать
Мастерских, примерно, пять.
Я их точно не считал,
Кто из нас бы то знавал?
Что дошло, тому я рад.
Видим, в граде гончарят.
Трубы делают из глины,
Кто тарелки, кто кувшины.
Лепят не простой рукой,
А толкают круг ногой.
После на базар несут
И поделки продают.
Их охотно покупают,
По реке водой сплавляют,
На баркасах вниз везут,
И дорожке продают.

В граде трубы есть сливные
И бассейны наливные,
Есть фонтаны, как сейчас.
Вот и в профиль и анфас
Я тебе портретик дал,
Буквой рифму начертал,

Уложил слова в строку,
В рифме дав простор стиху,
Чтоб ты хорошенько знал,
Что Укек не уступал
Городам Европы всей,
Что известно нам о ней
В те сокрытые века,
И тем более – года.

5

На базаре шум стоит
На возу скорняк⁷⁰ сидит,
Шкуры всякие скупает,
Деньги медные считает,
Часть за пазуху кладёт,
Часть же сдачей отдаёт.
С этих шкур сошьёт он шубы,
Рукавицы и тулупы.
Обувь с загнутым носком
И наборным каблуком
Старший сын его сошьёт
На продажу привезёт,
Будет свой товар хвалить
Прибаутки говорить,
Чтоб товар быстрее продать
И деньги побольше взять.
Рядом персы молодые,

---

⁷⁰ Скорняк – кожевник, меховщик.

Темнокожие, худые,
Зубы лишь одни белы,
Хвалят красные ковры.
Дальше конный ряд идёт,
Жеребец зазывно ржёт,
Кони словно на подбор,
Сбруи кожаный убор.
Скакуна араб ведёт
На дыбы скакун встаёт,
Око конское горит,
На спине ковёр лежит.
А у самого подвоза,
У татарского обоза,
Татарченок удалой,
Ставит пегого свечой,
Малорослого конька,
Сдавив пятками бока.
Шапку на скаку бросает
И в галопе поднимает.

Шум стоит, базар ликует,
С продавцом толмач⁷¹ толкует,
Что-то быстро говорит,
За спиной алан стоит,
Улыбается, кивает,
Видно что-то понимает.
Продавец товар даёт
И на церковь крест кладёт.

---

⁷¹ Толмач – переводчик.

Где зазывисто в окрест
Слышен звона благовест.

Вот стоит печник угрюмый,
Взгляд пронзительный и умный,
Предлагает печь сложить,
Чтоб в тепле зимою жить.
Мимо караван идёт,
Вьюки тучные несёт.
И спокойно глаз верблюжий
Озирает город шумный.
Он идёт с шлейй на лбу,
Опустив чуть-чуть губу.
Вспоминая Самарканд
Или город Аккерман.
На верблюде проводник,
От жары как будто сник,
Свесился камшины край,
Правит в караван – сарай,
Чтобы в нём закончить путь,
Дать верблюдам отдохнуть,
Самим спины распрямить,
Чая из пиал попить,
Подстелив под бок рядом,
Не беспокоясь за добро.

А у самых у ворот
Дед игрушки продаёт.
В них тогда тоже играли,
А компьютеров не знали.

Дед игрушки продаёт,
Рядом движется народ,
Смотрит на товар, дивится:
«Надо ж этак наловчиться,
Чтоб из глины, из земли
Руки вылепить смогли
И верблюдов, и овечек,
И коняшек без уздечек».
Собачонки стоят в ряд,
Ушки глиняны вострят
И у них ещё притом,
Хвосты загнуты кольцом.
Вот из глины конь стоит,
На спине глазурь блестит.
Люди на коня дивятся,
Но купить его скупятся.
Дед за штуку просит пул.
Явно продавец загнул,
Чтоб из глины! за коня!?
Ведь, по сути – то – земля,
Перемятая рукой,
Вместе с волжскою водой.
И вот на тебе, цена-а-а-а...
За скудельного⁷² коня.
Вдруг к прилавку бек⁷³ подходит,
На коняшку щурясь смотрит,
В руки бережно берёт,

---

⁷² *Скудельный* (утаревшее) – значит глиняный.

⁷³ *Бек* или *бег* – знатный человек в Золотой Орде.

Продавцу дирхем даёт,
Пул же меньше чем дирхем,
То известно в граде всем.

Бек – солидный господин,
Он, доживший до седин,
Цену здесь товарам знает,
И по праву же считает,
Что поделкам старика
Нет цены. Но, а пока
Дед дирхема не берёт,
Он божится, крест кладёт,
Пул, де красная цена
Для скудельного коня.
Не велик гончарный чин,
А великий господин,
Зря дирхем ему даёт,
Купли той не признаёт,
Сдачу силится, считает,
Бек на это отвечает:
«Ты дирхем, старик, бери,
А о сдаче, не тужи.
В конька сын будет играть,
И умишка набирать.
Разве то того не стоит?
И меня не беспокоит,
Что дирхем я заплатил.
Ты, дед, это заслужил».
Знатный бек конька берёт
И в халат себе кладёт.

Много лет с тех пор прошло,
Вдруг находкой ожило,
Того времени течение,
И послушное мгновенье,
Нам дало из- под земли,
О чём думать не могли –
Бека славного конька.
Осторожненько рука,
Слой культурный разгребает,
И на волю извлекает,
Ноги, голову, хребет.
Дав читателю ответ –
Да, игрушку здесь лепили,
Глазурь кистью наносили
И в тринадцатый аж век,
Мог из глины человек,
Для детей коней ваять,
Их поделкой увлекать
И ни где-то вдалеке,
На саратовской земле.
Как об этом я узнал –
Ум мой быстро набросал,
Незатейливый сюжет,
Дабы самому ответ,
Дать на призрачный вопрос,
Как игрушечник пророс
Здесь, на волжском берегу?
Вот чего я не пойму.
И теперь лишь понял я –

Наша волжская земля,
С древности игрушку чтит,
И как матрицу хранит
Память об игрушке той,
Что далёкий предок мой
В средние века лепил
И на это скромно жил.

6

Здесь оставим мы базар.
Чтобы больше ты узнал,
Посетим места иные
Не такие суетные,
Даже тихие, скажу,
Так о них я здесь сужу.
Вот, гляди, стена большая,
Вся кирпичная, прямая,
Известь белая сквозит
Между кладками лежит.
За стеною дом большой,
А за домом сад густой.
Дом вельможный, дом богатый.
В нём живёт сановник знатный.
Стену ту не перелезть.
Выше стенка – больше честь.
В том дому, скажу, палаты,
То не земляные хаты,
Где ютится чёрный люд,

Люди в бархате живут.
В нём едят на серебре,
В нём напитки в хрустале,
В нём изразцы облитые,
И решётки завитые,
Рдеет на печах глазурь,
Под глазурью той, лазурь.
И танцовщица молодая,
По ковру, совсем босая,
Быстрым степом⁷⁴ в круг идёт,
И ногой зигзаг кладёт,
Чтоб понравиться гостям,
Того города властям.
Ну а если полюбилось,
То получишь, что не снилось:
Шпильку, брошку, ожерелье,
Это крупное везенье
Для танцовщицы простой,
Из большой семьи взятой.
Вот кружась она пошла,
Тёмной бровью повела,
Выпад сделала ногой,
Раз одной и раз другой,
Завертелась как юла,
Руки над собой свила,
Опрокинулась, прогнулась,
Пола головой коснулась,
Поднялась на коготок

---

⁷⁴ *Степ* – вид танца.

И прошлась кругом разок.
Глаз не может воспринять,
Как она умеет ткать,
На полу ногой ажур,
Облекаясь в гламур.
Хану делает поклон,
И за этот танец он,
Шпильку с рук своих даёт,
И танцовщица берёт,
Дорогое украшеньё,
Понимая, что везенье
В ритме танца состоит.
Стекло руку холодит,
Опускает вниз глаза
И втыкает в волоса,
Голубое украшеньё,
Чтобы не было сомненья
У собравшихся вельмож,
Что подарок не хорош.
Что с той шпилькой дальше было,
То история сокрыла.
Были войны, был пожар,
Но потомок откопал,
Ханский дар, найдя в земле
И теперь он на столе,
Средь других вещей лежит,
И с тобою говорит.

Женщин в государстве чтили,

Паранджу⁷⁵ в нём не носили,
И в решениях иных
Совет брали и у них.
Знатных женщин уважали,
Ханы рядом их сажали
На собраниях друзей,
Государственных мужей.
И прошу тебя, заметь –
Право голоса иметь
Слабый пол мог не везде,
А вот в Золотой Орде!
В ней, мы знаем, это было,
Что истории сулило
Вопрос этот заострить
И об этом говорить.

7

Среди комнаты фонтан.
У фонтана знатный хан
На подушках возлежит
Перстень на руке горит,
Халат золотом расшитый,
По местам серебром увитый,
Тургауды⁷⁶ по бокам,
И невидимо ихрам⁷⁷,

---

⁷⁵ *Паранджа* – женская верхняя одежда в мусульманских странах, с закрывавшей лицо волосяной сеткой — чачван.

⁷⁶ *Тургауды* – телохранители.

⁷⁷ *Ихрам* – араб. слово, означает состояние.

Старца рядом покрывает,
Чувство к богу возжигает.
Убелённая глава,
Лет прожитых седина;
Посох в высохших руках,
И задумчивость в глазах.
Чётки тихо шевелит,
И «с небес» на мир глядит.
Мурзы,⁷⁸ кланаясь, подходят
И в поклоне же отходят.
Чуть подальше хитрецы,
Генуэзские купцы,
Подношения несут
И благоволенья ждут,
Чтобы к хану подойти,
Свою просьбу донести.
Зная – надо поклониться,
Да со счёта чтоб не сбиться,
Простираясь на земле,
Рассыпаясь в хвале.

За танцовщицей поэты,
Декламируют куплеты,
За поэтами чтецы,
За чтецами мудрецы.
Кто читает вслух Коран,
А кто «Тюрский Гулистан»⁷⁹,

---

⁷⁸ *Мурза* – аристократический титул.

⁷⁹ «Тюрский Гулистан»⁷⁹ («Гулистан бит-тюрки») – произведение тюркского поэта Саифа Сарай.

Кто Юсуфа Низами⁸⁰,
Кто Махмуда Болгари⁸¹.
Или западных пророков,
Что без времени и сроков
Предвещают о конце
Мира в траурном венце.

Шейхи⁸² в стороне сидят
И на доски всё глядят.
Эти доски не простые,
Квадратные резные.
На них воины стоят
И слоны во всю трубят.
Кони движутся скачками
И плывут пред игроками
По полям досок ладьи
И застыли короли,
Наблюдая за сраженьем
И заботясь о спасенье
Только собственных корон,
Да считают свой урон,
Нанесённый вражьей силой
И идёт непобедимый
Ферзь в атаку на коня,
На коня и короля.

---

⁸⁰ *Юсуф Низами* (1141 - 1211) – Великий поэт Азербайджана, писавший на персидском языке.

⁸¹ *Махмуд Болгари* – прозаик, автор произведения "Нахджель-фарadis" ("Пути, открытые в рай").

⁸² *Шейх* – почётное название видного богослова в Исламе.

Ты игру эту узнал?
Сам не раз, поди, играл,
Объявляя «шах» и «мат».
Или ставя другу «пат».
Ту игру «шатранджем» звали,
В неё многие играли.
Шахматами мы зовём,
Сидя за доской вдвоём.
В общем, так же как тогда,
В те века и в те года.

Чтоб хозяину советы,
Здесь давать, гляди с пол - света
Собрался учёный люд.
Справедливый ханский суд
Здесь свой приговор выносит,
А мулла⁸³ его доносит
Средь Укека до людей,
Предстоя в чалме своей.

Домбры звук в окно влетает.
Голос дивный украшает,
Мысль глубокою суры.
Звуки дивны и легки,
А старик благообразный,
С речью чудной и несвязной,
Взял двухструнный моринхур,
На смычк слегка подул,

---

⁸³ *Мулла* – почётное название видного богослова в Исламе.

Тронул волосом струну,
Слегка две, потом одну,
Отгоняя духов зла
От узорного окна.

8

За окном павлины ходят,
В траве корм себе находят,
Соловьи в кустах поют,
И на землю песню льют.
Во дворе бассейн большой,
С керамической трубой,
Из неё вода бежит,
Средь развесистых раки,
Пополняя водоём,
Чтоб была прохлада в нём.
В водоёме рыбки ходят,
По дну раки задом бродят,
Как стекло вода чиста,
Даже видно как со дна,
Пузырьки на верх идут,
Звук на глади издают,
Поднимаясь из глубин,
Словно в водах серпантин
На поверхность их выносит
И по глади вод разносит.

Здесь с подругой молодой
Лебедь плавает седой

Пузыри он клювом ловит
И забаву в том находит –
Под гончарную струю
Ставит голову свою
Сам от радости шипит
И крылом струю дробит.

Больше можно бы сказать,
Только надо меру знать.

Мы же город поглядим,
На «проспекте» постоим –
Главной улице Укека,
Со времён ещё Узбека⁸⁴,
Здесь муэдзины клич ведут
На намаз⁸⁵ в мечеть зовут;
С минарета, свысока,
Разлетается хвала
Богу дивному людей,
В песнопевности своей.
Правоверные заходят,
На стене михраб⁸⁶ находят,
Стелят коврики рядком
И на них встают потом,
В направленье на Каабу⁸⁷,

---

⁸⁴ *Узбег хан* – Великий хан Золотой Орды.

⁸⁵ *Намаз* – в исламе обязательная ежедневная пятикратная молитва.

⁸⁶ *Михраб* – молитвенная ниша; устраивается в, обращенной к Мекке, стене мечети.

Повернув лицо к михрабу,
Чтоб произнести саят,
Состоящий из аят –
Изречений из Корана,
В стенах голубого храма.
Здесь же слушают муллу.
Сказ про древнюю суру⁸⁸
В сердце отклик их находит.
Умму⁸⁹ он на мысль наводит:
«Праведно, что надо жить,
И, конечно, не грешить.
Жить, как говорит имам⁹⁰,
Не приветствуя харам⁹¹».
Иль сказать по-русски, грех,
Чтобы в жизни был успех.

Так же было не всегда,
Совсем в ранние года
На заре ордынской мощи,
Тех владык истлели кости,
Сам Бату в Укеке жил,
Джучи-хана мудрый сын.
Был язычником правитель
Достопамятный воитель

---

⁸⁷ Кааба – - главное святилище ислама, в сторону которого мусульмане обращаются во время молитвы. (кибла).

⁸⁸ Сура – это арабское слово для обозначения одной из 114 глав Корана.

⁸⁹ Умма – община верующих мусульман.

⁹⁰ Имам – в исламе духовное лицо, которое заведует мечетью.

⁹¹ Харам – все, что запрещено Исламским правом и объявляется им незаконным.

Поклонялся небесам
И языческим богам,
Небу вечному служил,
И до смерти этак жил.
Был Батый язычник тоже,
Ему всех было дороже
Царство славное – Орда
Он заботился всегда,
Чтобы царство процветало
И землёю прирастало.
Сын Батыея царь Сартак.
Тот имел на теле знак –
Крест на шее он носил,
Православным значит был.
Сартака в Орде любили,
Но, однако ж, отравили.
Видно умысел имели,
То есть, явно не хотели
Чтоб крестилась вся Орда.
Лучше пусть душа одна
Пострадает, а народ,
Веру новую найдёт.
Были мненья и другие
Например, средь них такие –
Есть в том дядина вина,
Что не стало Сартака.
Его люди в юрте были,
Вот они и отравили.
Дядя этим не смутился,
Выждал чуть и воцарился.

Этот дядя хан Берке
Мощь имел. В своей руке
Крепко власть в Орде держал
И, по сути, первым стал
Правоверным из царей,
Золотой государей.
Были и цари иные,
Но влияньем небольшие.
Позже хан Узбек пришёл
На высокий трон вошёл.
Из Орды изгнал он лам⁹².
При нём принят был ислам⁹³.
Всех же дел не перечесть,
Но построена мечеть⁹⁴
Была в городе Укек,
Чем и кончил он свой век.
Умер рано на заре,
На персидском на ковре,
Среди близких и родных
Веки навсегда смежив.

9

Здесь оставим ханов мы
Всех не отследив судьбы.
Нам бы надо, так сказать,
Об Укеке досказать.

---

⁹² *Лама* – в тибетском буддизме – религиозный учитель.

⁹³ *Ислам* – мировая религия.

⁹⁴ *Мечеть* – мусульманское богослужбное архитектурное сооружение.

Осмотреть его дома,
Да градские терема.

За мечетью дом сырцовый⁹⁵.
Он, сказать, почти что новый.
Этот дом зовут «Ханак»,
Он стоит не просто так.
В нём бездомный кров находит
Отдохнуть прохожий входит,
Путешественник зайдёт,
Место здесь себе найдёт.
Здесь светло, тепло, уютно
И ещё скажу, приветно.
Погорелец молодой.
Здесь живёт с своей женой.
Новый строит парень дом
И к соседям на поклон,
Он идёт, чтоб мир помог
Новый выстроить чертог.
Рядом с ним кузнец ночует,
Ночь и день он всё тоскует,
По жене сошёл с ума,
Что при родах умерла.
Дальше, ветхая старуха,
Чуть живая, точно муха,
Что по осени живёт
Ежечасно смерти ждёт.

---

⁹⁵ *Сырцовый* – сложенный из глиняного, сухого, но необожженного кирпича.

Здесь уют она нашла
И не зная ремесла
Целый день в углу сидит
В одну точку всё глядит.
В том доме ящик застрял.
Этот память потерял.
Где живёт не знает он.
День и ночь с большим трудом
Вспоминает, где живёт,
И не вспомнив так, умрёт.
Служат суфии несчастным,
И чтоб было тебе ясно,
Суфий – мистик и аскет,
Вдохновения эстет.

Вот ведь, столько лет назад,
Нам раскопки говорят,
Человек был защищён.
Даже не имея дом,
Не скитался по подвалам,
Не лежал в сарае хламом,
Был в уюте и тепле,
Не на ржавой он трубе
Ночевал, подальше с глаз,
В паутине теплотрасс.
Разве в мире того нет?
Дай ты сам на то ответ.

За Ханакон дом-Диван.
Этот дом построил хан.
Дом красивый словно сказка,
По карнизу в нём обвязка,
Из узорных кирпичей,
Длинношеих лебедей,
Что меж окнами плывут,
Ставни в том дому клюют.
Ставни в том дому резные,
А простенки голубые.
Цоколь выложен камнями,
Что заморскими купцами,
В этот город привезён,
Им отделан этот дом.
А на крыше бунчуки,
Окаймляючи углы,
Власти символы стоят,
Сверху на Укек глядят,
С полумесяцем вверху
И хвостом коня внизу.

Дом высокий, двухэтажный
В нём сидит чиновник важный
Управления глава,
И Укека голова.
Он указ даёт Дивану,
Подчиняясь лично хану.
Главы ведомств восседают,
Обо всём в улусе знают.
Знают где мостить дорогу?

Где причал чинить немного?
Когда войско созывать?
Ополченцев ли собирать?
И какую на кругу,
Узаконивать тамгу⁹⁶?

В доме том писцы сидят
За законами следят,
Дабы люди, те, что в силе,
Вовремя налог платили.
Они здесь доход считают,
И бумаги составляют:
Сколько пул улус даёт?
Что из них себе берёт?
Что Сараю отдаёт?
Всяк, кто пашет или жнёт,
Или кто в дому своём,
Иным занят ремеслом:
Дуги гнёт, куёт подковы,
Шьёт красивые панёвы⁹⁷,
Кто имеет не одну
В этом граде чайхану...
Всяк в Диван несёт налог,
Не принёс, тогда острог.
А в остроге этом суд,
Может в рабство отдадут,

---

⁹⁶ *Тамга* – налог с торговли и ремесел в городах и сельских местностях, а также торговые пошлины, которые взыскивали на заставах с товаров в Золотой Орде.

⁹⁷ *Панёва* – старинная женская юбка на Руси..

Время выплаты продлят,
В Золотой законы чтят.
Это знает каждый чин.
Здесь для всех закон один –
За утайку барыша,
Хоть несчастного гроша,
Что хотел от глаз сберечь –
Голова слетает с плеч.

У Дивана есть предел,
То баскачества удел.
В нём баскаки⁹⁸ молодые
В нём повозки гужевые,
Конный в нём стоит отряд,
Кони кольцами звенят.
Сей отряд – даруг⁹⁹ подмога,
Это сборщики налога
С дальних деревень и сёл.
На баскаков народ зол –
Де, последнее возьмут,
И с собою увезут.
Их слезой не умалить,
Их нельзя уговорить,
Можно только рассердить.
Семью малого лишить,
Но без них казна пустеет

---

⁹⁸ *Баскаки* – сборщики податей для монгольского хана в древней Руси силовым методом.

⁹⁹ *Даруга* – Чиновник отвечающий за сбор налогов и таможенных пошлин.

И Орда, увы, слабеет.

Но пока же суд да дело,
Нас баскачество задело,
Поглядим со стороны,
Что же делают они?
Чисельник¹⁰⁰ мешок несёт.
На ковёр его кладёт.
Будто серебра река,
С мешка сыпется деньга.
Деньги стопками собирают,
Стопки сотнями считают,
Сыпят в кожаный мешок,
Вяжут крепкий узелок,
Узел нитками сшивают,
Концы ниток заплетают
И ещё печать кладут,
Чтоб в мешок не лазил плут.
А наутро очень рано
Из укекского Дивана,
Из баскаческих ворот
Сотня рыжих кладь везёт,
Направленьем на Сарай,
Где главенствует Мамай,
Чтоб мешок ему вручить
И спокойно дальше жить,
Собирая серебро,
Лишь в укекское добро,

---

¹⁰⁰ *Чисельник* – должность в баскаческом отряде.

Рассчитавшись с высшим станом,
Бишь, с сараевским Диваном.

11

За Диваном сад большой,
А за ним базар «Сенной».
На Сенном базаре густо
На прилавках в нём не пусто.
Вот стоят большие фуры¹⁰¹,
Астраханские арбузы,
С фур уйгурец продаёт,
Только дорого берёт.
Рядом дыни на подбор,
Азиатский в них узор.
А за дынями кумыс,
За кумысом барбарис.
Ряд мясной. Под балдахином,
С малолетним крошкой сыном,
Сын Булгарии¹⁰² сидит
Мясо красное лежит,
Он за кучку пул берёт,
Покупателей зовёт:
«Подходи, народ честной!
Будешь с мясом, не пустой!».
Отгоняя веткой мух,

---

¹⁰¹ *Фура* – большая, длинная повозка, запряжённая лошадьми или волами.

¹⁰² *Булгария* – болгарское государство, существовавшее в X—XIII веках в среднем Поволжье и бассейне Камы.

Чтоб товар сей не протух.

Мимо движется народ:
С петухом мордвин идёт,
За мордвином кипчаки
Тащат рыжие мешки.
Мешки эти шевелятся,
На земле сами садятся,
Один качает головой,
Будто он и впрямь живой.
Только узел развязался
И мешок, того, распался
На мешок народ глядит,
А в мешке гусак сидит.
Люд базарный, знай, хохочет
И гуся в артисты прочит.
А марийка молодая,
Кареглазая, простая
Повернувшись, красит бровь,
Чтоб не видела свекровь.
Рядом с ней монгол проходит,
С молодайки глаз не сводит.
Мясо на плече несёт
Под нос песенку поёт.

У ворот сидит кипчак,
Ковылём степным пропах.
Шапка перед ним лежит,
В шапке той деньга блеснит.
То сиделец не простой,

Он не нищий. Он с сумой,
По домам с своей не ходит,
Но перед людьми находит,
Примененье своих сил,
Чтоб народ счастливей был.
В руки он варган берёт
Пальцем по конечку бьёт
К зубам плотно прижимает,
Губы мягко напрягает,
Следом музыка звучит,
Над базаром звук летит.
Он даётся даром: злым,
Добрим, мягким и простым.
Всякий музыке той рад,
Нищий, или кто богат
И от щедрости души,
В шапку ту кладут гроши.

В стороне армянский ряд,
Продают в нём виноград,
Гроздья сладкие свисают,
Осы жёлтые летают,
Там армяне вокруг сидят
И мордовский мёд едят.
А базарный надзиратель,
Я скажу тебе читатель,
Не сейчас, а и тогда,
В те далёкие года,
Чин такой в Укеке был,
За порядком он следил,

Спор торговый разрешал –
Плетью кожаной стегал,
За неправые дела,
Чтоб торговля чинно шла.
Был на улицах смотритель,
Всяких дел распорядитель,
Он за чистотой следил,
Чтоб никто, там не сорил,
Не выплёскивал помои,
Или, скажем, что иное
На дорогу не бросал,
Стоков вод не засыпал,
Чтоб дороги подметались,
Чтоб на них не просыпалась
Кладь с навьюченных возов.
Он без всяких лишних слов
Ротозеев штрафовал,
То есть, с них деньги взымал,
И был град ордынский чист
И опрятен, и лучист.
О том в книгах написали.
Купцы много повидали,
На земле изящных мест,
Наш Укек вошёл в их текст,
Град привёл их в изумленье
Нам сегодня в поученье
Как в градах сегодня жить
И, понятно, не сорить.

За Сенным квартал рабочий,
Кто до дерева охочий,
Сани делает, возки,
Для богатых сундуки.
Кузнецы железо греют,
Над котлом с водой потеют,
Закаляя мундштуки,
Что не любят скакуны,
Кольца молотками гнут,
С тех колец кольчуги шьют.
А у печек стеклодувы,
Вставив трубки чинно в зубы,
Крутят белые шары.
Выйдут из шаров дары,
Повезут их за моря,
Где кончается земля,
Чтоб Укек всяк в мире знал,
По поделкам узнавал,
А укекские купцы,
В этом деле молодцы.

Работной квартал не новый,
Нет, на вид он не торговый,
Дух ремесленный стоит,
В нём из труб дымок бежит.
Если записи не врут,
«Русским» здесь его зовут.
Ну а дальше, по горе
В златоглавой вышине

Купола церквей видны
А на куполах кресты.
Православный монастырь
Здесь гнездо на склоне свил.
В его кельях жизнь кипит,
Стон молитвенный стоит.
И привратник у ворот,
Смотрит кто, зачем идёт?
С доброй целью – пропускает,
А с недоброй – провожает
Прочь от храмовых ворот
И совет на путь даёт.
В общем, то ещё не Русь,
Ей пока заказан путь
К крутым волжским берегам,
Здесь владычествует хан,
Хотя русские здесь жили,
Их дома в Укеке были.
Чаще в звании купца,
Знатока ли ремесла,
Или в качестве раба,
Если подвела судьба.
Рабство было здесь не новость
Если хочешь, даже гордость
У сановника была,
Если он имел раба.
Рабский рынок процветал.
Он казне доход давал.
Как сегодня нефть даёт
Без особенных забот.

И понятно, что рабами
Были те, с кем воевали
И захватывали в плен.
Девушек здесь ждал гарем,
Или чёрная работа,
Им во сне снилась свобода,
И родительский удел,
Если дом их не сгорел.

Вот, гляди, рабов ведут.
Следом медленно ползут
Арб гружёных штуки три.
В арбы впряжены быки
И весёлою гурьбой
Бегут дети стороной.
Интересно им, заметь,
На невольников смотреть.
Улюлюкают, сменяются,
Конвоирам не даются,
Те им плётками грозят,
Что лишь веселит ребят.
Точно так же, как когда-то,
Ваши прадеды, ребята,
Пленным немцам вслед свистели,
Всякие частушки пели,
Потому что детский ум
Не пронзает горечь дум,
Тех, кого в полон ведут,
Даже может быть убьют,
Если тяжело заболел,

Или учинить хотел
От хозяина побег –
Будет кончен того век,
Или плётками забьют,
Или саблей рассекут,
Чтоб был остальным урок.
Дабы каждый дал зарок –
«Из Орды не убегать,
Рабством не пренебрегать,
Раз судил так бог тебе –
Покорись своей судьбе».
Так же думали и в Риме,
И в Египте, и в Берлине,
Там где рабство процветало
И по праву так считали,
Кто своих рабов имел,
И расстаться не хотел
С даровым трудом раба,
Тот и говорил : «Судьба».
Да, такие нравы были –
Люди ближнего любили,
А того, кто за рекой,
Был им человек чужой.
Его можно воевать,
И в полон, конечно, брать,
Дальше в рабство продавать
И барыш с того считать.
Но не думай, друг мой юный,
Мальчуган ты мой разумный,
Что сейчас иной уж век,

И что в мире рабства нет.
Что шестьсот там лет назад!
Даже двести, говорят
Нам о том, что рабство было
И что с Африки без слов
Вывозили тех рабов.
И сейчас, как не крути,
Можно так же, брат, найти
На планете голубой
Позабывтый всеми строй.
Иль немного изменённый,
Но, такой же несвободный,
Когда в рабстве у господ
Прозябает весь народ.
Или страны целиком,
И, поверь мне, не тайком,
Ходят в вечной кабале,
Будто лошадь на узде.
Так что строго не суди
Своих предков, лучше зри
В корень прожитых эпох
И не будь в сем деле «лох»,
Как подростки говорят,
А для них жаргон сей свят.

Поразмыслив так и этак,
О людских на свете бедах,
Позабыли мы с тобой,
Что же там на мостовой
В граде древнем происходит.

Верховой конвой там гонит
Сотню пленников босых,
Измощённых и худых,
Что, проделав долгий путь,
Лишь хотят одно – уснуть,
А теперь бредут едва
И свисает голова,
У того, что впереди.
И кричит ему «Иди!»,
Повернувшись, конвоир.
Тут же плёткой погрозил
Он уставшему юнцу,
Прислонившемуся к отцу,
Цепью скованных одной,
Где-то в кузнице степной,
Чтоб верёвок не порвали
И с Орды не убежали.
Их сейчас в подвал сведут,
На замок большой запрут,
А пока из-за забора,
На них лает пёсья свора.
У собак инстинкт таков,
Если видят чужаков.

13

Чтоб додумкам не случиться
Надо мне остановиться
И немного рассказать,
Повернувши время вспять,

Как в улусе веры чтили?
Как завет отцов хранили?
Это важно нам сейчас,
И о том мой будет сказ.
Хоть я частью и сказал
Но, совсем не досказал.
Были в нём магометане,
Православные славяне,
Древний тюрский каганат,
Представлял в нём свой обряд.
Здесь буддисты кочевали,
В юртах белых ночевали,
Римский Папа слал гонцов,
Упросить чтоб степняков,
Католичество принять,
И на лаврах поживать.
Здесь язычество хранили,
И, конечно, небо чтили,
С незапамятных времён
И здесь действовал закон:
«Вер чужих не ущемлять,
Их церковей не разрушать».
Вер чужих не ущемляли
И церковей не разрушали.
В этом строгость здесь была.
В том правителю хвала.
Спорить, спорь, но честью - честь,
А, за смех над верой – смерть.
И, спокойно за словцо,
Даже, за одно всего,

Можно в рабство угодить,
Если веру осудить.
А не то, чтоб насмеяться
И в злоречье упражняться,
Оскверняя храм чужой,
Если, ясно, он не твой.

Здесь с церковей налог не брали,
Службы их не пресекали.
Пошлин церкви не платили
И в Укеке мирно жили,
Что по ханскому завету,
Послужило здесь расцвету
Государства кочевого,
По истории Златого.
Но, замечу, не всегда,
Тем гордилася Орда.
Хан Узбек гонитель был,
Тем в истории прослыл.
Дальше надо нам смотреть,
Что в Укеке этом есть.

14

Есть в Укеке дом особый,
Дом – не дом, однако ж новый.
В нём красивый вход резной,
Купол сверху расписной,
Минареты по бокам.
С виду это вроде храм.

233

В нём колонный зал богатый,
По стенам витиеватый,
Листьев вырезан узор,
Много воздуха. Простор
Ощущается везде.
Здесь всё дело в высоте
И помпезности строенья.
Сказать можно без сомненья
Перед нами мавзолей
Высотой в пять этажей.
В мавзолее том гробницы
В них же царственные лица
В злате и парче лежат
А покой их сторожат
Стены толстые и свод,
Да соратников почёт.
Мавзолеи точно были,
Но потомки разорили
Золотой вельмож удел
Совершивши беспредел
В отношении гробниц
И в гробах сановных лиц.

Но не кончен наш рассказ,
Ты послушай дальше сказ.
О великом и простом
Незатейливо земном,
Что нельзя не рассказать.
Так, о банях не сказать
Непростительно для нас.

Бани, то особый сказ.
Это целый ритуал,
Если город кто знавал.
Ты представь солидный дом,
Что на залы разделён.
Залы в мраморы одеты,
Через стены обогреты.
Стены толстые в дому,
Двери плотные к тому.
В доме том котёл кипит,
Из него вода бежит,
Растекаясь по трубам,
Трубы эти под наклоном
В залы банные идут.
В залах банщики снуют.
В каждой зале жар особый.
Есть парная. Камень плоский
Среди комнаты лежит,
Цветом будто малахит.
Люди на него ложатся,
Чтобы жаром наслаждаться,
Что от камня исходит
И укекец здесь находит
Вожделенья томный плод.
В бане изразцовый свод
Поливного потолка.
Мягко банщика рука
Мыльну пену растирает,
После в залу провожает.
Там лежанки не простые,

В них матрасы набивные,
Мягкой пахнувшей травой,
В знойном воздухе, густой
Ароматный пар стоит.
Тело потное блестит.
Там котлы серебром облиты,
Там тазы из меди сшиты,
Банщик с белою чалмой,
Держит лейку над спиной.
Струи он на кожу правит,
Эскулап пиявки ставит.
Чтоб усилить действия блажь
Телу делают массаж.

А у самой у реки,
Там где сходни и мостки,
Бани русские стоят,
На простор реки глядят.
В этих банях гончары,
В этих банях маляры
В этих банях люд простой
Волжской моется водой.
Здесь укекцы печки жарят,
Здесь укекцы тело парят.
В руки веники берут,
И на камни воду льют.
Камни брызгают, шипят,
Жар из тела не хотя,
Отдавать избе парной,
Вместе с паром и водой.

И напаривши бока,
Чтоб была судьба легка,
В Волгу прыгают с мостков
И от тел, без всяких слов,
Волжская волна шипит,
И у берега бурлит,
Накатившись на мостки,
Выбегая из реки.
Для сравнения скажу,
В этом я не погрешу.
Когда бани здесь топили
И мочалкой тело мыли –
Бань в Европе не видали,
Тела пара не знавали.

15

Как в Укеке люди жили?
В чём и как еду варили?
Как спасались от мороза?
Мороз вечная угроза
В нашей местности степной
И, понятно, что зимой.
Чем жил просто человек?
Не эмир, ни хан, ни бек,
Ну, такой, как мы с тобой,
На земле своей родной?
Победней – в землянках жили,
Постный суп в горшках варили,
Кто был занят ремеслом,

Тот имел солидней дом.
Ни хоромы расписные,
И ни крыши золотые.
Дом тот делали с сырца,
Из простого кирпича,
Что в огне не обжигали,
А сушили, стены клали,
Штукатурили доской,
Чтоб стена была прямой.
Белой глиною белили,
Глину ту с водой месили,
Чтоб замес был не крутой;
Кистью с лыка клали слой.
Чтобы не имать позор,
Сверху правили узор.
В результате их дома,
Были все как терема.

А славяне побогаче
Дома делали иначе,
Покупали в лесу дуб,
Из него срубали сруб.
Так их строят и сейчас,
Так же было и до нас.
А вот как сейчас не строят,
И жилищ сих не возводят,
Я поведаю тебе
И о тех жилищ судьбе.
Про землянки расскажу,
Про простую бедноту.

Дом по окна был в земле,
Подоконники в смоле,
Чтобы гниль их не брала.
Окна, этак в три бревна.
Крыши скат полого сходит,
В стороне труба выходит,
Вырастая из земли.
Вниз ведут ступени три,
Или пять, кто как сумеет,
Печь - тандыр жилище греет,
Дым по трубам вбок идёт.
Пока дом не обойдёт,
Стен, лежанок не согреет.
А как только посинеет –
Дому жар, отдав сполна,
Вон выходит. Из окна
Частью улица видна,
Неба клоч над мостовой,
И штук семь собак гурьбой,
К скотобойне бежит вскачь,
Чтоб мослы там поглотать.
Стены в доме земляном,
Все обложены сырцом,
Чтоб земля не оползала
И закладка не сгнивала.
Крыша в доме не простая,
А накатная, смольная,
Накат первый – потолок,
А второй – водицы сток.

Сверху глина и земля,
Вот и все скажу дела.
Летом крыша даёт хлад,
Зимой дом теплом богат.
Кизяком¹⁰³ тот дом топили,
Полы в доме тоже были,
Глинобитный пласт лежал,
Отблеск матовый давал.
Его шкурой обряжали,
На неё детей сажали.

На огне хозяйка варит,
Мясо режет, жарит, парит,
Вялит рыбу и коптит,
Часть её в чану солил.
Печёт вкусные лепёшки,
Тогда не было картошки,
На столе в горшке кумыс,
Рядом с ним салата лист.
Есть начинка из рябины,
И напитки из калины,
Здесь румянится каймак,
Для детишек есть «чак-чак»¹⁰⁴.
Вобщем, жили, бытовали,
Свадьбы молодым играли,

---

¹⁰³ *Кизяк* – перемятый с соломой, высохший навоз.

¹⁰⁴ В другой транскрипции звучит как «чок-чок».

Кто, конечно, победнее,
Играл свадьбу поскромнее,
Кто конец с концом сводил,
Себя тоже веселил –
Кумыс ставил на столе,
Рядом курицу в лапше.
И барана молодым
На руках в избу вносил.
Если было что вносить,
И на счастье подарить.
Кто богатым в граде был,
Тот деньгой во всю сорил.
Делая великий пир,
Изумляя божий мир.

16

Люди, что в Укеке жили,
Души разно веселили,
Были праздники у них
И слагая этот стих,
Вижу как народ толпой
Идёт к башне. Над горой
Сокол по кругу летает
И пареньем предвещает
Схватки равных на траве,
Шелковистой мураве.
Так у тюрок уж ведётся
В праздник у горы сойдётся
Лучник с лучником. Они,

Цели поразят свои.
Борцы выйдут за стрелками
И играючи буграми
Мышц железных на руках,
Смелость с силой показав,
Место конникам уступят,
Те в игру азартно вступят
Их задача нелегка –
Чтобы отобрать козла
У противников своих,
Надо быть ловчее их,
Крепче всех в седле держаться
И, конечно, полагаться
На выносливость коня,
Силу рук, иначе зря
Ты в борьбу сильнейших вступишь,
Приза явно не заслужишь.

Вот батыр¹⁰⁵ на гору всходит,
За собой коня выводит,
Дует в медную трубу
И нарушив тишину
Игр начало возвещает.
Вот он влево продудел,
Вот он вправо прогудел,
Вот над Волгой звук направил,
Чтобы всякий игры славил,
Шёл на праздник посмотреть

---

¹⁰⁵ *Батыр* – у тюркских народов лихой наездник, храбрец.

За героев поболеть.
И идёт народ толпой,
Чтобы место пред горой
Поудобнее занять,
Чтобы можно созерцать,
То полёт стрелы свистящий,
То бросок борца разящий,
Морду в пене скакуна,
Уносящего козла.

Были игры и другие,
Не такие силовые.
Русские в лапту играли,
Городошники сбирали,
На полянке городки,
Битой делая броски.
А поодаль ребятишки,
И девчёнки и мальчишки
Подражая пожилым,
Бишь, родителям своим,
Игры детские вели
И поменьше городки
На площадке расставляли
Да кругляшки выбивали,
А затем неслися вскачь,
Чтоб друг друга обогнать.

Эта тема не простая,
Но, однако же, живая.
Мы её слегка задели,

Но, сказать всё не сумели,
Ты об этом не тужи,
А читай, что впереди.

17

Рядом с баней серпантин¹⁰⁶.
Он на город здесь один,
Чтобы с лодок грузы брать,
Дальше в гору поднимать,
А не на плечах тащить,
Укорачивая жизнь.
Здесь подъёмник очень прост.
В человеческий он рост.
В нём стоит подвижный ствол,
А к стволу привязан вол.
Вол тот двигает водило.
У вола большая сила.
Крутит ствол вокруг оси
(Так предание гласит)
И мотает на него,
Канат прочный, метров в сто.
Тянет с Волги груз канат,
Увеличив в десять крат
Силу нашего вола,
Чтобы кладь была легка.

Есть и ныне серпантины,

---

¹⁰⁶ *Серпантин* – канатный подъёмник тяжёлых грузов.

Только не воловьею силой,
Тянут трос, а не канат,
А лебёдкой, так-то брат.
Электрический мотор –
Это не уставший вол
И лебёдка, не водило,
В ней совсем иная сила
В сотни раз мощней она,
Даже сильного вола.
А сейчас читатель мой
В этом месте вид иной.
Где был древний серпантин,
Мул вокруг столба ходил
И толкал вперёд ярмо
Ныне это Волги дно.
В этом месте над водой
Через Волгу мост стальной
Перекинулся стоит,
В волны волжские глядит.
И дрожит под ним река,
Если им издалека
Поезд из - за Волги мчит,
Сталь натружено гудит.
Отражаясь в реке.
Ну, а в древнем-далеке,
Мул на берегу стоит
И на мост стальной глядит,
Что привиделся ему
Вопреки его ярму.

Славен древний град Укек,
Славен город наш Увек.
Минаретами большими,
И крестами золотыми.
Пристань волжская гудит,
Чайка над водой парит.
И вздымается волна,
Над волною седина
Пузырится и искрит,
Ветер мачты шевелит,
Надувая паруса
И качая небеса.

У причала негде встать,
И не встать и не пристать.
Лодки трутся здесь бортами
И ушкуйники баграми
Борт к причалу подают,
Надзиратели снуют,
Перевозчики смекают,
На алтын дорожке ставят,
Перевоз арбы большой,
По волне в реке крутой.
Крик с ушкуя раздаётся,
Грузчик со слугой дерётся,
Вместе, вишь, деньгу нашли,
Поделить же не смогли.
Слуга горд и грузчик горд.

Оба падают за борт.
С воды вместе вылезают
И одежду выжимают,
Бранясь только на словах,
Потеряв деньгу в волнах.

А таможенник усатый,
Без рубахи, волосатый,
Тычет пальцем в толстый тюк,
В тюке том везут урюк.
Сарацин в чалме высокой,
Взгляд спокойный и глубокий,
Он корзинам счёт ведёт,
В карман камешки кладёт,
Чтоб считая их не сбиться,
В счёте том не ошибиться.
Лодки малые снуют,
Очередь большие ждут.
Они плавали в морях,
Здесь стоят на якорях.
А на стругах народ ратный,
Собираясь в путь обратный,
Караван сопроводив,
С купцов деньги получив
Ищет новых нанимал,
Чтобы кто-то просто взял
Караван сопровождать,
Нападенья отражать.

Славен Волжский путь торговый,
Славен шёлковый и новый.
Реки торга здесь сошлись
И бурлит в Укеке жизнь.
От Урала до Укека,
От Укека и до грека.
И от грека до Булгар
От Булгар до Намадар¹⁰⁷.
Из Руси, но без рабов
Сто навьюченных возов
Трактом на Укек идут.
В лодках их перевезут,
На ту сторону реки,
Ну а дальше степняки
Провожатого дадут,
Груз в улус Джучи свезут.

Сказать просто, а на деле?
Дело слов куда сложнее.
Через реку на пути
Сто возов перевезти!?
Везти кладь одно, простую,
А возьми-ка, кладь живую.
Ну, хотя бы мелкий скот.
С ним немало тут хлопот.
Или воз с конём возьми.

---

¹⁰⁷ *Намадар* – древний турецкий город, стоявший на Великом шёлковом пути.

Как его перевезти,
Клади с воза не снимая
И коня не распрягая?
Барж стальных тогда не знали.
Лодки лишь одни сновали,
Меж покатых берегов,
Отвозя князей послов.
Тут умом раскинуть надо.
Только думать нам не надо,
Что был предок нас глупей.
Он житейски был мудрей.
Дальновидней, я скажу.
Вот как я о том сужу:
По две барки вряд сбивали,
Полы сверху настилали,
Городили по бокам,
Чтоб седым реки волнам
Не достался в качку груз,
И не вышел в том конфуз.
И по сходням на паром,
Так его мы назовём,
Стадо палкой загоняли,
Овец штуками считали,
Закрывали ворота,
Бишь по флотски, то борта.
Палкой длинной упирались
В дно реки. И наклонялись
Разом смуглые гребцы
Силачи и молодцы,
Вёсла длинные тянули,

Черенки у вёсел гнули.
По четыре на весло,
Упираясь в лодки дно.
Меж бортов вода бурлила
И течение сносило,
Паром ниже по реке,
Оставляя на воде
Волжских вод косой надрез.
Вот такой я вижу срез
Малой доли бытия
Пред тобою не тая.
Фуры так перевозили –
На паром по две грузили,
А в высокую волну
Брали только лишь одну.
К тому берегу приходили,
За узду коней сводили,
Подпрягали ломовых
И четвёркою гнедых,
Воз тянули на подъём,
Потому что вчетвером,
Много легче кладь тянуть.
И нельзя нам упрекнуть
Предка, что машин не знал,
Но, однако ж управлял
Экономикой своей
В похвалу своих друзей.

А укекский обыватель,
Нет, он вовсе не искатель,
Патриот своей страны,
То есть, Золотой Орды
В чайхану сейчас идёт,
В кулаке деньгу несёт.
Там же в дружеской беседе
Будут у него соседи
Иль удачливый алан,
Или некто из славян
Скажем, человек хожалый,
Путь проделавший немалый,
Или кто-то из рабов,
Заимевший в граде кров,
Человек мастеровой,
И, конечно, с головой –
Из отпущенных на волю.
Всяк имеет свою долю.
В чайхане они сошлись
Обсуждают свою жизнь:
Так, пойдёт ли новый хан
Завоёвывать славян,
Или так договорятся,
Чтобы попусту не драться?
Что с Китая привезут?
Сколько стоить будет пуд,
Сарацинского пшена¹⁰⁸?
Или чья будет вина,

---

¹⁰⁸ *Сарацинское пшено* - так в древности в Поволжье называли рис.

Что разграбили обоз?
Он в Укек холстину вёз.
Ямщиков же отослали,
Часть из них поубивали.
Или сколь деньги уйдёт,
На кожевенный завод,
Кожу чтоб свою иметь,
А не в рот другим глядеть,
Думать, что им продадут?
Сколько за тохой¹⁰⁹ возьмут,
Первоклассного сукна?
Речь их, в общем - то, проста
И обычна для людей
В жизни трудовой своей.
Разве мы так не сидим,
И в кафе не говорим?
И не спорим меж собой
О политике большой?
Или сколько чего стоит?
Разве нас не беспокоит?
Как тогда, так и сейчас.
Эти строки и про нас.

21

Почему же исчез град?
Что о том нам говорят
Многоумные мужи,

---

¹⁰⁹ *Тохой* – мера длины в древней Монголии.

Люд учёнейший страны?
Я к учёным не взыскую,
А картинку нарисую,
Как всё было наяву
И в свидетели зову
Время – слово подтвердить,
Солнце – время осветить.

Жил был грозный Тамерлан
Тюркский воин, но не хан.
В Самарканде жил хромец,
Умный, смелый удалец.
Он соседей воевал.
А себя вождём считал.
Был он коротко – эмир,
Земель тюркских господин.
А в Орде был Токтамыш
Смелый воин и крепыш.
Он Тимура воевал,
Его войско разбивал.
Только скажем, не всегда
Быть удаче. И в лета
Для Орды той не простые –
Распри, рознь, и вот чужие
С юга выросли войска.
То Тимурова¹¹⁰ рука
Правит орды на Сарай,
В золотой ордынский край.

---

¹¹⁰ *Тимур* – тоже, что и Тамерлан.

Нет, не может Тимур жить,
Чтоб Орду не победить.
Токтамыша побеждает,
Тот на север убегает,
А ордынцев города,
Многи пали навсегда,
Как и город их Укек,
Превратившись вновь в Увек.
То есть в малое селенье,
Что под самую горой
Живёт век свой не простой,
Помня давние года,
Когда здесь была Орда.
И на бреге град стоял
Он в своих руках держал
Все в округе поселенья
И великие мгновенья
Этих лет нам не забыть
И не искоренить,
Потому, чтобы ты знал,
Двести лет Укек стоял.
На гористом берегу,
Двести лет ковал деньгу,
Двести лет он торговал,
Ещё пошлины взимал,
Был культурным центром края,
Из Орды произрастая.

Есть и версия другая
Совершенно не такая. –

Газ выходит из земли
В этом месте. И могли
Его жители узнать,
Потому как им дышать
Стало трудно и они
Жизнь спасали как могли,
Уходили с града вон,
Чуя смерть со всех сторон.
Следом, газа взрыв раздался
И от города остался,
Только камень и кирпич
И от взрыва паралич
В жизни города настал.
Вновь он строится не стал.
Взрыва люди уобоялись,
И, конечно, разбежались,
От испуга кто куда,
Такова идёт молва.
Дворец хана озарился
И под землю провалился,
И с фонтаном и добром,
В благолепии своём.
Люди тот дворец искали,
Землю так и сяк копали,
Но найти не удалось,
В недрах, что с земли взялось.

Слухи всякие ходили,
Например, так говорили –
В реку там земля сползла,

После сильного дождя:
С берега дома ползут,
В волны падают, ревут,
Очумелые стада,
И взлетают в небеса
Тучи галок и ворон
И над местом гром иль стон
Поминутно раздаётся
И испуганно несётся,
Всадник прочь от берегов
Вниз сползающих холмов.
И ломаются гробы
Под землёю, и рабы,
Во все стороны бегут,
Гады по земле ползут,
Выйдя с нор из-под земли,
Бросив логова свои.
Над рекою смерч несётся,
Поминутно раздаётся
Глас над порванной землёй...
Только сокол молодой
Ветра, грома не страшится
И за честь ему вонзиться
В тучу чёрную рывком,
Разрезая вихрь крылом,
А затем волны коснутся,
В мрак и темень окунуться,
В буре невесть что ища
И от радости крича.

Да, могло такое быть.
Газ с земли мог выходить,
Тамерлан мог воевать,
Могли оползни сползать,
Что мы видим и сейчас
Без каких - либо прикрас.
Но для нас важней всего,
Не создать о том кино,
А в себе осознать,
Что и мы Увека часть,
Что Саратов там стоит,
Где доподлинно лежит
Вязь сошедшихся дорог
И что город наш не мог,
Быть построен где-нибудь.
Вот истории в чём суть.
Только здесь, и только тут.
К тому камни вопиют.
И Укек он тоже здесь,
А не бог где знает весть.
Времени их мрак покрыл
И в себе объединил,
Разные земли века
И великая река
Тайну вечности хранит
И на берег седой глядит.

* * *

Лет шестьсот с тех пор прошло,

Но в сознание ожило,
Того времени течение,
И послушные мгновенья,
Вновь соткали свой узор,
Чтоб расширить кругозор,
Тем, кто в жизнь только вступает,
И наивно полагает –
Что Великая Орда
Не поставила тогда,
И на нас с тобой печать.
Можешь мне не отвечать.
Но подумай, мальчик мой,
Что в нас связано уздой
Золотой Орды коня?
Да, у нас одна земля
И она в себе хранит
Оттиск бережно копыт
Вороного жеребца
Высочайшего гонца.

2012 июль.

Содержание

Былина о князе – строителе Григории Засекине, стрелецком голове боярине Фёдоре Турове и славном городе Саратове	3
Сказка о глиняном петушке.....	26
Сказка о Глебучевом овраге.....	116
Сказка о Соколовой горе.....	121
Баллада о соколах.....	149
Былина о сказочных богатырях русских Скудельнике, Дубравнике и Соломенщике.....	164
Сказание об Увекe.....	182

Литературно-художественное и краеведческое издание

Пётр Петрович Африкантов

Сказки о Саратове
и
саратовской глиняной игрушке

«СКАЗКА О ГЛИНЯНОМ
ПЕТУШКЕ»

(сказки, поэмы, былины)

Книга первая

Книга издана в авторской редакции.
Компьютерная вёрстка, обложка и макетирование П.П. Африкантова.

Издана при участии – ООО завод «Римкер».

Уважаемый читатель!

Вторая книга полностью посвящена традиционной глиняной игрушке Саратова. В ней представлены воспоминания об игрушке пожилых саратовцев, даны фотографии игрушки, игрушечников и тех, кто внёс неоценимый вклад в дело возрождения игрушки в наши дни. Дана пошаговая методика изготовления свистковых устройств из глины разных степеней сложности.

Электронный вариант книг с уточнениями и добавлениями сделан по книгам выпущенным на бумажном носителе в 2013-2015 годах. Книги на бумажном носителе вышли в серии под общим заголовком «Сказки о Саратове». В серию входит семь книг. Продолжается работа над новыми книгами. На бумажном носителе название серии останется прежним – «Сказки о Саратове».